

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ
АГРОСИСТЕМЫ:
экономика и социология**
электронный научный журнал

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по
надзору в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций
(Роскомнадзор)

*Свидетельство о
регистрации средства
массовой информации:*
Эл № ФС77-83382
от 03.06.2022 г.

Журнал входит в
перечень рецензируемых
научных журналов,
зарегистрированных в
системе «Российский
индекс научного
цитирования».
№ договора E-Library:
№20-05/09-2

Учредитель:
ФИЦ СНЦ РАН

Адрес учредителя:
410028, г. Саратов,
ул. Рабочая, д. 24

Редакция:
Институт аграрных
проблем – обособленное
структурное
подразделение
ФИЦ СНЦ РАН

Адрес редакции:
410012, г. Саратов,
ул. Московская, 94

Сайт:
[http://www.iagpran.ru/
journal.php](http://www.iagpran.ru/journal.php)
[http://региональныеагро
системы.рф/index.php/ras](http://региональныеагро
системы.рф/index.php/ras)

e-mail: iagpran@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ МЯСОПРОДУКТОВОГО ПОДКОМПЛЕКСА РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Яковенко Н.А., д.э.н., Иваненко И.С., к.э.н., ИАгП РАН

TRANSFORMATION OF DEVELOPMENT MODELS OF THE RUSSIAN MEAT PRODUCTS SUB-COMPLEX UNDER SANCTIONS RESTRICTIONS

-4-

Yakovenko N.A., doctor of economic sciences,

*Ivanenko I.S., candidate of economic sciences, Institute of Agrarian Problems –
Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution*

Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

ТЕНДЕНЦИИ И ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ МОЛОЧНОПРОДУКТОВОГО ПОДКОМПЛЕКСА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ДЕЙСТВИЯ ВНЕШНИХ ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИХ ФАКТОРОВ

Курсанов В.В., к.э.н., Спирина М.В., лаборант-исследователь, ИАгП РАН

TRENDS AND PRIORITIES OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN DAIRY PRODUCT SUBCOMPLEX UNDER THE CONDITIONS OF EXTERNAL DESTABILIZING FACTORS

-12-

Kirsanov V.V., candidate of economic sciences,

*Spirina M.V., research assistant, Institute of Agrarian Problems –
Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution*

Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

*Погребцова Е.А., к.э.н., Федеральное государственное бюджетное учреждение
высшего образования «Омский государственный аграрный университет
имени П.А. Столыпина»*

AGRICULTURE OF THE OMSK REGION IN SOLVING THE PROBLEM OF FOOD SECURITY OF THE COUNTRY IN THE CONTEXT OF GLOBAL CHALLENGES

-19-

*Pogrebtsova E.A., candidate of economic sciences, Federal State Budgetary
Institution of Higher Education «Omsk State Agrarian University
named after P.A. Stolypin»*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

ОБОСНОВАНИЕ НАПРАВЛЕНИЙ СОКРАЩЕНИЯ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ НА СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИИ ПОСРЕДСТВОМ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Рубцова В.Н., д.э.н., ИАгП РАН

JUSTIFICATION OF DIRECTIONS FOR REDUCING EPIDEMIOLOGICAL RISKS IN RURAL TERRITORIES OF RUSSIA THROUGH THE IMPLEMENTATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES

-28-

*Rubtsova V.N., doctor of economic sciences, Institute of Agrarian Problems –
Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution*

Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

**КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И БЮДЖЕТЫ ВРЕМЕНИ НАИБОЛЕЕ УЯЗВИМЫХ
ПЕРЕД БЕДНОСТЬЮ ГРУПП СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ**

Шабанов В.Л., д.социол.н., ИАгП РАН

**LIFE QUALITY AND TIME BUDGETS OF THE MOST VULNERABLE TO
POVERTY GROUPS OF THE RURAL POPULATION**

-35-

*Shabanov V.L., doctor of sociological sciences, Institute of Agrarian Problems –
Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal
Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*

**ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА
СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ**

Великий П.П., д.филос.н., ИАгП РАН

**ISSUES OF METHODOLOGY FOR STUDYING THE LIVING SPACE
OF A MODERN VILLAGE**

-43-

*Veliky P.P., doctor of philosophical sciences, Institute of Agrarian Problems –
Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal
Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ В ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОД**

Вяльшина А.А., к.социол.н., ИАгП РАН

**SOCIAL AND ECONOMIC TRENDS IN SUSTAINABLE DEVELOPMENT
OF RURAL TERRITORIES IN RUSSIA IN THE POST-PANDEMIC PERIOD**

-51-

*Vyalshina A.A., candidate of sociological sciences, Institute of Agrarian Problems –
Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal
Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2023. № 3. С. 4-11.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2023;(3): 4-11.

Научная статья
УДК 339.5

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ МЯСОПРОДУКТОВОГО ПОДКОМПЛЕКСА РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ

Наталья Анатольевна Яковенко¹, Ирина Серафимовна Иваненко²

¹⁻² Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», г. Саратов, Россия

¹ yana0206@yandex.ru, ² ivanenko.ol@yandex.ru

Аннотация. Исследование адаптации предприятий агропродовольственного комплекса России к изменениям условий их функционирования, вызванных санкционными ограничениями, является весьма актуальным. В статье анализируются последствия экономических и политических санкций, введенных против России западными странами, для развития национального агропродовольственного комплекса. Специфика развития продуктовых цепочек, разнородность сегментов агропродовольственного комплекса определяют модели развития агропродовольственных предприятий в условиях дестабилизирующих факторов и ограничений. На примере агропромышленного холдинга «Мираторг» выявлены положительные и отрицательные аспекты санкционной политики, дана оценка устойчивости российского агробизнеса к внешним вызовам и угрозам. Сделан вывод, что одним из перспективных направлений развития российского мясопродуктового подкомплекса является формирование вертикально интегрированных предприятий.

Ключевые слова: мясопродуктовый подкомплекс, модели, санкционные ограничения, трансформация, агропродовольственные компании, вертикальная интеграция.

Для цитирования: Яковенко Н.А., Иваненко И.С. Трансформация моделей развития мясопродуктового подкомплекса России в условиях санкционных ограничений // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 3. С4-11.

Original article

TRANSFORMATION OF DEVELOPMENT MODELS OF THE RUSSIAN MEAT PRODUCTS SUB-COMPLEX UNDER SANCTIONS RESTRICTIONS

Natalya A. Yakovenko¹, Irina S. Ivanenko²

¹⁻² Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia

¹ yana0206@yandex.ru, ² ivanenko.ol@yandex.ru

Abstract. The study of adaptation of enterprises of the Russian agri-food complex to changes in the conditions of their functioning caused by sanctions restrictions is very relevant. The article analyzes the consequences of economic and political sanctions imposed against Russia by Western

countries for the development of the national agri-food complex. The specifics of the development of food chains and the heterogeneity of segments of the agri-food complex determine the development models of agri-food enterprises under conditions of destabilizing factors and restrictions. Using the example of the Miratorg agro-industrial holding, positive and negative aspects of the sanctions policy are identified, and the resilience of Russian agribusiness to external challenges and threats is assessed. It is concluded that one of the promising directions for the development of the Russian meat products subcomplex is the formation of vertically integrated enterprises.

Key words: *meat products subcomplex, models, sanctions restrictions, transformation, agri-food companies, vertical integration.*

For citation: *Yakovenko N.A., Ivanenko I.S. Transformation of development models of the Russian meat products sub-complex under sanctions restrictions // Regional agrosystems: economics and sociology. 2023;(3): 4-11. (In Russ)*

Введение.

В условиях трансформации российской экономики, вызванной санкционными ограничениями, стремительно меняется макроэкономическая среда, перестраиваются цепочки товародвижения, активно идет поиск внутренних резервов для снижения импортозависимости агропродовольственного комплекса. В 2022 году доля прибыльных компаний в агропродовольственном комплексе превысила 90 %, против 86% в 2021 году. Современное состояние комплекса, его функционирование и тенденции развития находятся в зависимости от продолжающихся санкционных воздействий со стороны зарубежных стран, при одновременном изменении конъюнктуры на мировом рынке сельскохозяйственного сырья и продуктов его переработки. Ввиду этого проблемы обеспечения продовольственной безопасности обостряются и являются наиболее важной составляющей экономической безопасности России [1 - 3]. Усиление влияния дестабилизирующих факторов ведет к поиску новых моделей развития агропродовольственного бизнеса.

Целью исследования является анализ особенностей трансформации моделей развития российских компаний мясопродуктового подкомплекса, вызванной санкционными ограничениями.

Теоретико-методологической основой исследования являлись научные и прикладные результаты исследований российских и зарубежных ученых в сфере формирования продуктовых цепочек агропродовольственного комплекса России, трансформации условий функционирования предприятий агропродовольственного комплекса и моделей их развития. Для достижения поставленной цели в исследовании использованы методы научного абстрагирования, теоретического обобщения, сравнительного, динамического и структурного анализа. Информационная база исследования включает в себя данные Министерства сельского хозяйства РФ, материалы органов государственной статистики и др.

Результаты исследования.

В последние годы развитие мясопродуктовой цепочки агропродовольственного комплекса России происходит под влиянием комплекса кризисогенных факторов, вызванных сложной геополитической и геоэкономической ситуацией. Дисбаланс в функционировании глобальных продуктовых цепочек и нарушение логистических связей в результате пандемии COVID-19, фрагментация продовольственного рынка на фоне введения масштабных санкций рядом западных стран против России внесли существенные изменения в работу российского аграрного бизнеса и требуют поиск новых моделей его развития.

Существенные изменения наблюдаются в структуре производства мясной продукции. Особенно наглядно это просматривается в отраслях птицеводства и свиноводства. В последние годы происходит значительное сокращение доли мелких и средних хозяйств, не выдерживающих конкуренции с более крупными индустриальными и вертикально интегрированными компаниями. Через слияние и поглощение усиливаются интеграционные процессы. Формирование вертикально интегрированных предприятий является одним из перспективных векторов развития мясопродуктового подкомплекса России [4].

На рисунке 1 показаны внутриотраслевые изменения структуры производства мяса птицы. Доля хозяйств населения в производстве мяса птицы в 1990 году составляла 43,1 %, а в 2022 году снизился до 6,7 % (на 36,4 п.п.) за счет создания крупных птицеводческих комплексов и роста поголовья птиц в сельскохозяйственных организациях. В 1997 году производство мяса птицы в личных подсобных хозяйствах превышало совокупное производство мяса птицы в сельскохозяйственных предприятиях и крестьянских (фермерских) хозяйствах и составляло 68,5 % от общего производства. С 2000 года производство мяса птицы концентрируется в сельскохозяйственных организациях.

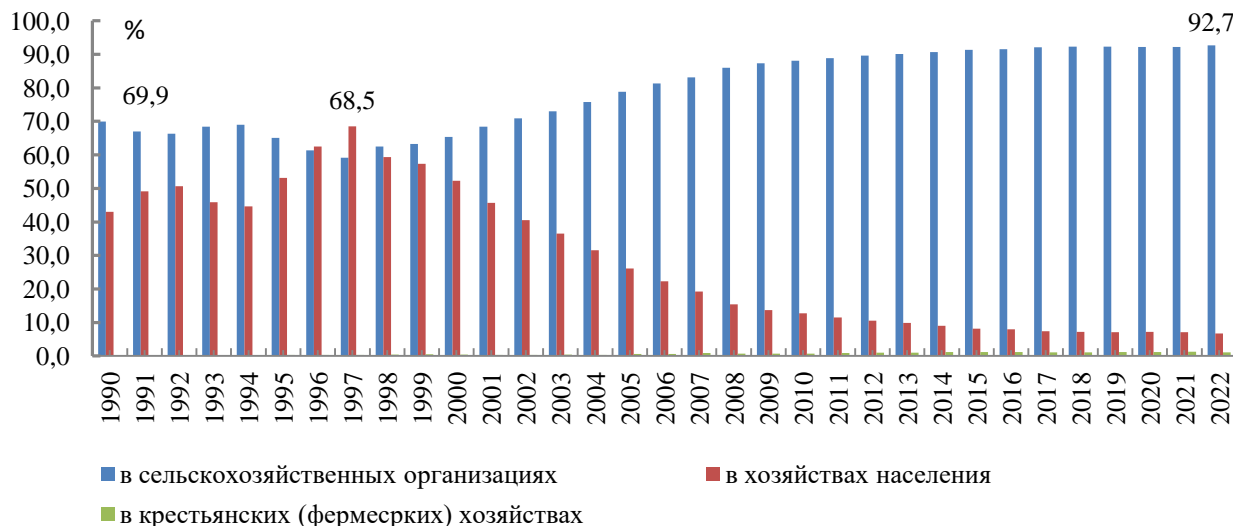

Рисунок 1 - Изменение структуры производства мяса птицы, в %

В исследуемом периоде значительные структурные сдвиги произошли в развитии отечественного свиноводства (рис. 2). В 1992 году объемы производства свинины в хозяйствах населения существенно превосходили показатели сельскохозяйственных организаций. К 2010 году объемы производства мяса свиней в хозяйствах населения сократились почти на 87%, а рост объемов производства свинины в сельскохозяйственных организациях увеличился на 53,6 %. Данные структурные изменения произошли на фоне снижения валового производства мяса свиней на 32,8 % в хозяйствах всех категорий. Сельскохозяйственные предприятия обладают большей устойчивостью к макроэкономическим колебаниям по сравнению с небольшими фермерскими хозяйствами и хозяйствами населения.

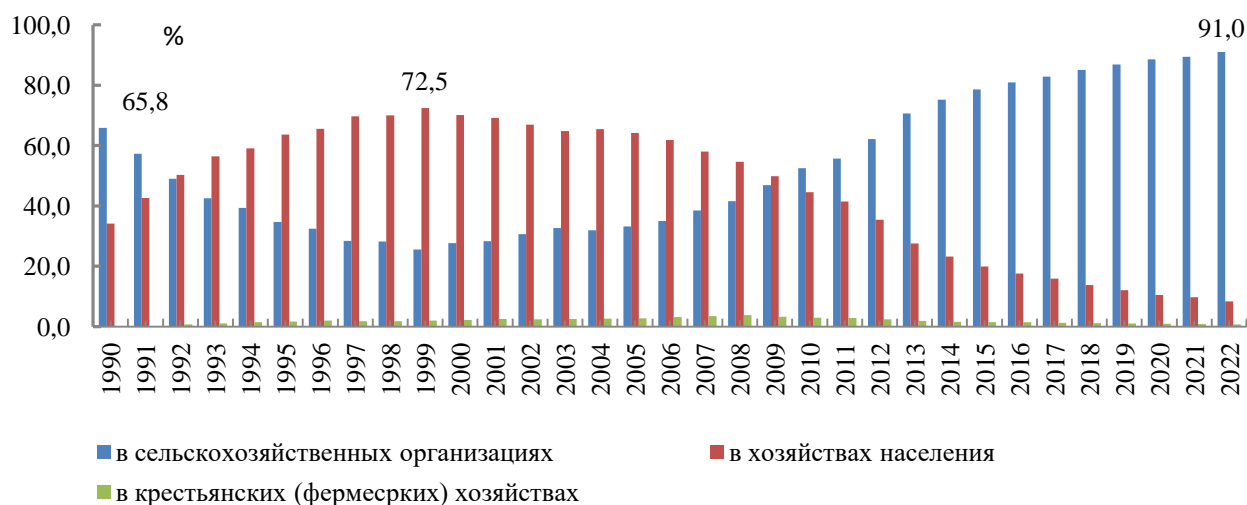

Рисунок 2 - Изменения структуры производства мяса свиней, в %

Основной объем производства мяса свиней обеспечивают компании из топ-20 крупнейших производителей. Если в 2010 году общая доля сельскохозяйственных предприятий топ-20 в объеме производства свинины составляла 48 %, то в 2022 году она увеличилась на 28 п.п. и составила 76 % производства. Следует отметить, что такой существенный рост произошёл на фоне усиления дестабилизирующих факторов, таких, как: локальные вспышки АЧС, ограничения вывоза на внешние рынки, значительные колебания на мировом продовольственном рынке, усиления конкуренции и других.

Наглядным примером формирования эффективной модели развития является агропромышленный холдинг (АПХ) «Мираторг». С момента создания фирмы в 1995 году «Мираторг» из небольшого предприятия превратился в один из крупнейших агропромышленных холдингов России, производящих основные виды мяса и мясопродуктов. В 2008 году АПХ «Мираторг» был включен в перечень системообразующих предприятий Российской Федерации, утвержденный Правительственной комиссией по повышению устойчивости развития российской экономики [5]. Компания является участником программ развития агропромышленного комплекса, то есть крупнейшие проекты реализует как за счёт собственных средств, так и с использованием инструментов государственной поддержки. За всю историю существования холдинг вложил в создание производства основных видов мяса более 350 млрд. рублей.

С 2014 по 2022 гг., когда происходили значимые организационные и технологические изменения не только на уровне аграрного сектора, но и всей экономики страны, агрохолдинг реализовал инвестиционную программу, направленную на развитие вертикальной интеграции. Высокая степень вертикальной интеграции в производственном процессе повышает стабильность компании и ослабляет ее зависимость от конъюнктурных колебаний. Предприятия, входящие в состав холдинга, осуществляют полный цикл производства - от выращивания и хранения зерновых и бобовых, производства комбикормов, откорма и убоя скота до выпуска готовой мясной продукции и ее дистрибуции. В продуктовой линейке компании имеется продукция с высокой добавленной стоимостью. Кроме того, холдинг владеет крупнейшим в России банком земель сельскохозяйственного назначения. Это позволяет агрохолдингу «Мираторг» быть менее зависимым от конъюнктуры сырьевых рынков, изменения цен на отдельные виды сырья, оптимизировать себестоимость продукции и минимизировать возможные риски. Существенным конкурентным преимуществом АПХ «Мираторг» является формирование своих производственных активов «с нуля». Холдинг предпочитает самостоятельно строить необходимые промышленные объекты, используя новейшие технологии и опыт признанных мировых лидеров. За счет этого достигается высокая эффективность производства и низкая себестоимость продукции, отсутствуют «узкие места» в технологическом процессе.

Основные производственные показатели АПХ «Мираторг» находятся на уровне ведущих мировых производителей и значительно превышают среднероссийские показатели отраслей птицеводства и свиноводства (рис. 3). Компания входит в группу наиболее эффективных производителей в глобальном масштабе по ключевым показателям в свиноводстве. Холдинг является основным производителем свинины на российском рынке, демонстрирующим устойчивые темпы роста объема производства на основе использования новых высокотехнологичных мощностей. Агрохолдинг обеспечивает более 10 % от совокупного производства индустриального выпуска мяса свинины в России, реализуя самый масштабный за всю историю отечественного свиноводства проект производственной мощностью 4,5 млн. голов в год. Проект позволит в полном объеме закрыть потребности России в импортной свинине и укрепить лидирующие позиции «Мираторг» на внутреннем рынке.

Рисунок 3 - Динамика основных показателей деятельности АПК «Мираторг» с 2014 по 2022 гг. [6]

Ведущие специалисты считают, что в перспективе агрохолдинг будет наращивать выпуск мясной продукции [7]. Кроме развития свиноводческого и птицеводческого направления, «Мираторг» продолжает реализовывать долгосрочную стратегию по увеличению поголовья крупного рогатого скота (КРС) мясных пород с 820 000 до 1 млн. голов. Планируется за счет собственных ресурсов расширение производства высококачественной говядины, которая становится доступнее для потребителя как финансово, так и физически.

Стратегическим преимуществом холдинга являются заводы по глубокой переработке мяса, которые по своим параметрам не только не уступают, но и превосходят активы глобальных лидеров мясопереработки. В Брянской области запущены линии первичной переработки прочей мясной продукции - самого современного и высокотехнологичного в России кожевенного завода. Автоматизированные предприятия по убою и переработке в Белгороде, Брянске, Калининграде выпускают свыше 700 тыс. тонн мясной продукции ежегодно. Кожевенное производство вписывается в стратегию повышения глубины переработки и расширения ассортимента продукции с высокой добавленной стоимостью и большим экспортным потенциалом. Оно оснащено современными системами биологической безопасности и высокотехнологичными очистными сооружениями. Линия будет перерабатывать полторы тысячи тонн сырья в месяц и производить около 175 тыс. квадратных метров кожевенного полуфабриката. Перечень выпускаемой продукции включает автомобильный, мебельный и растительный крафт. Вся продукция отвечает европейскому стандарту качества.

Развитие звеньев продуктовой цепи по принципу вертикальной интеграции защищает агрохолдинг от волатильности внутренних цен на зерно, позволяет осуществлять контроль качества производимой продукции и обеспечивать максимальную эффективность на всех этапах производства мясной продукции. «Мираторг» реализует проекты по производству комбикормов, доля которых в себестоимости на этапе откорма составляет около 75 %. Агропромышленный холдинг является крупнейшим производителем комбикормов из собственного сырья в России, обеспечивая внутренние потребности всех дивизионов на 100% (рис. 4). Комбикормовый сектор остается привлекательным для крупных агрохолдингов с полным производственным циклом, так как собственные мощности по производству комбикормов позволяют снизить издержки и себестоимость производства. Агрохолдинг выращивает собственное сырье - фуражное зерно, сою и другие культуры. Увеличение уровня самообеспеченности в кормовом сегменте позволяет планировать дальнейшее наращивание объемов, прежде всего, в свиноводческом и птицеводческом направлениях.

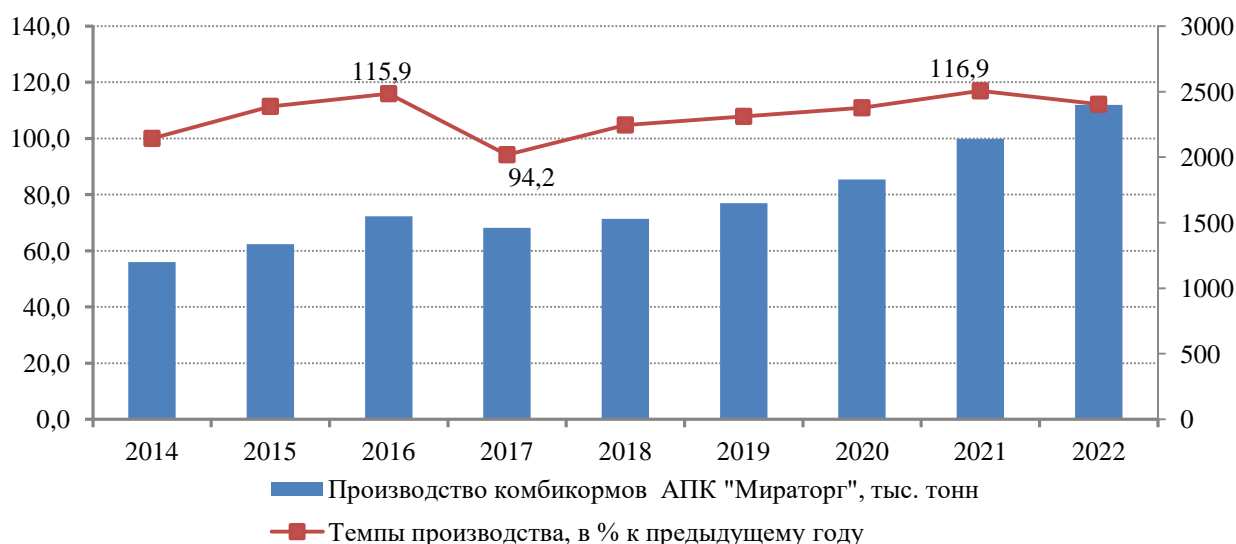

Рисунок 4 - Динамика производства комбикормов ООО АПК «Мираторг», тыс. тонн

В рамках проекта специализированного центра в Орловской области «Мираторг» приступил к производству семян. Завод мощностью 10 тыс. тонн в год выпускает семена многолетних трав, смеси семян газонных трав и травосмеси для нужд животноводства. Производственный комплекс включает 5 производственных цехов и оснащен уникальной линией по смешиванию и дозированию семян. Современное оборудование позволяет получить высококачественные очищенные смеси с заданной пропорцией в составе. Все сырье проходит строгий контроль качества в производственно-технологической лаборатории и соответствует требованиям государственных стандартов. В настоящее время входящий в группу селекционно-семеноводческий центр в Орловской области производит 5000 тонн семян кормовых многолетних трав. В будущем к нему добавится новый центр по производству семенного материала сои в Курской области.

В соответствии со стратегией диверсификации бизнеса в 2019 году «Мираторг» в Тульской области завершил первый этап инвестиционного проекта по производству и хранению овощей и приступил к реализации второго этапа - проекта по первичной переработке овощей.

Компания «Мираторг» в подмосковном Домодедово запустила Центр геномной селекции. Центр является резидентом «Сколково» и войдет в топ-5 мировых генетических центров исследования геномов свиней, а также крупного и мелкого рогатого скота. Центр позволит решать сложнейшие задачи по оценке геномов и генотипированию всех видов сельскохозяйственных животных. Операционный бюджет Центра составил 4,4 млрд. руб., включая 112 млн. руб. инвестиций в автоматизированное лабораторное оборудование. Методы геномной селекции дают возможность прогнозировать племенную ценность животных сразу после рождения с точностью до 90% и выявлять поголовье с особо важными для животноводства признаками, такими как здоровье, плодовитость, устойчивость к заболеваниям, скорость набора мышечной массы, а также потребительские качества мяса и молочной продукции.

АПК «Мираторг» и сеть «Вкусно – и точка» приступили к реализации совместного инвестиционного проекта и строительству нового завода по производству замороженного картофеля фри и картофельных долек для поставок в предприятия «Вкусно – и точка». Многомиллиардный проект будет включать в себя несколько этапов, среди которых увеличение посевных площадей специально отобранных сортов картофеля, а также создание собственного семенного фонда АПК «Мираторг». Проект будет реализован в одном из регионов центральной России, в планах - строительство современных овощехранилищ и завода по выпуску готовой продукции. Производственный цикл на новом заводе будет учитывать всю специфику сбора, обработки и хранения картофеля, чтобы соответствовать высочайшим требо-

ваниям по качеству сети «Вкусно – и точка». Этот проект позволит реализовать мультипликционный эффект для развития отрасли картофельного семеноводства в стране.

Одним из векторов укрепления бизнеса «Миратора» является формирование в рамках агропромышленного холдинга замкнутого производственного цикла, когда в контур холдинга регулярно присоединяются недостающие активы производственного цикла. В последние годы наблюдается активное развитие сектора мясного животноводства и птицеводства, а смежные отрасли зачастую не успевают за его темпами роста. Например, продукция комбикормовой промышленности долгое время не успевала за растущими и современными запросами производителей мясной отрасли. Возникали сложности с закупкой зерна и премиксов и их несоответствием стандартам качества на технологичном производстве. Перспективным направлением развития агрохолдинга является использование побочной продукции растениеводства и животноводства для сокращения издержек производства.

Заключение.

Волатильность внешней среды и углубление дестабилизирующих факторов оказывают сдерживающее влияние на развитие бизнеса. Санкции и иные внешние ограничения послужили толчком для сокращения рисков получения убытков, поиска возможностей сохранения достигнутых объемов рентабельности производства. Расширение ассортимента, диверсификация производства, контроль над бесперебойной поставкой сырья и материалов, развитие сбытовой корпораций – направления, которым стали уделять больше внимания предприятия агропродовольственного комплекса.

Эксперты отмечают положительные аспекты санкционной политики. На рынке мяса и мясопродуктов санкции и контрсанкции нейтрализовали высокую конкуренцию, позволив расширить российским предприятиям границы своей деятельности. Санкционные меры стали мощным стимулом для наращивания внутреннего производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия, увеличения экспорта, внедрения инновационных технологий.

Перспективной моделью развития агробизнеса является формирование агропромышленных холдингов, созданных по типу вертикально интегрированных структур. Как показала практика, они обладают значительными преимуществами для устойчивого развития в сложных экономических условиях. Вертикально интегрированные производства снижают риск влияния внешних факторов, основными из которых являются волатильность цен на сырье и материалы, падение цен на производимую продукцию, нарушение логистических каналов. За счет наличия сырьевых предприятий в структуре агропродовольственных корпораций осуществляется гарантированная загрузка производственных мощностей, отсутствие простоев. Вертикально интегрированные корпорации имеют возможности для развития и внедрения инноваций, приобретая профильные активы и финансируя инновационную деятельность. Крупные агрохолдинги пытаются найти оптимальную модель для управления быстрорастущим бизнесом и регулярно проводят реструктуризацию организационной структуры. Они имеют возможность формировать новые продуктовые цепочки для расширения ассортимента продукции, что позволяет им быстрее адаптироваться к изменениям на внутреннем и внешнем продовольственных рынках. Отрасли птицеводства и свиноводства в России занимают лидирующие позиции кооперирования и формирования вертикально интегрированной структуры.

Список источников

1. Анищенко А.Н. Российский продовольственный кризис: угроза или реальность? // Продовольственная политика и безопасность. 2022. Том 9. № 3. С. 221-232.
2. Грудкина Т.И., Чурсин С.С. Развитие субъектов агробизнеса в условиях введенных санкций: проблемы и направления их решений // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 13. С. 4556–4560.
3. Глотова Н.И., Баранов Г.А. Влияние санкций на агропромышленный комплекс России // Главный агроном. 2023. № 8.

4. Анфиногентова А.А. Система натурально-стоимостных межотраслевых балансов в управлении конечными результатами агропродовольственной корпорации // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2022. № 4. С. 5–17.
5. Постановление Правительства РФ от 15 декабря 2008 года.
6. Рейтинг крупнейших производителей свинины в РФ ТОП-20 за 2014 - 2022 год. - URL: <https://nssrf.ru/documents.php?action=statistics>
7. Годовой отчет за 2021 «Мираторг Финанс». - URL: [https:// godovoj-otcet-miratorg-finans-za-2021g](https://godovoj-otcet-miratorg-finans-za-2021g).

References

1. Anishchenko A.N. Russian food crisis: threat or reality? *Food policy and security*. 2022; 9(3): 221-232. (In Russ)
2. Grudkina T.I., Chursin S.S. Development of agribusiness entities in the context of imposed sanctions: problems and directions for their solutions. *Scientific and methodological electronic journal "Concept"*. 2015;(13):4556–4560. (In Russ)
3. Glotova N.I., Baranov G.A. The influence of sanctions on the agro-industrial complex of Russia. *Chief Agronomist*. 2023; (8). (In Russ)
4. Anfinogentova A.A. System of natural-cost interindustry balances in managing the final results of an agri-food corporation. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2022; (4): 5–17. (In Russ)
5. Decree of the Government of the Russian Federation of December 15, 2008. (In Russ)
6. Rating of the largest pork producers in the Russian Federation TOP-20 for 2014 - 2022. - URL: <https://nssrf.ru/documents.php?action=statistics>
7. Annual report for 2021 Miratorg Finance. - URL: <https://godovoj-otcet-miratorg-finans-za-2021g>.

Информация об авторах

Н.А. Яковенко – доктор экономических наук;
И.С. Иваненко – кандидат экономических наук.

Information about the author

N.A. Yakovenko – Doctor of Economic Sciences;
I.S. Ivanenko – Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 11.09.2023; одобрена после рецензирования 18.09.2023;
принята к публикации 30.09.2023.

The article was submitted 11.09.2023; approved after reviewing 18.09.2023;
accepted for publication 30.09.2023.

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2023. № 3. С. 12-18.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2023;(3): 12-18.

Научная статья
УДК 338.43.02

ТЕНДЕНЦИИ И ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ МОЛОЧНОПРОДУКТОВОГО ПОДКОМПЛЕКСА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ДЕЙСТВИЯ ВНЕШНИХ ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИХ ФАКТОРОВ

Владимир Викторович Кирсанов¹, Марина Владимировна Спирина²
¹⁻² Институт аграрных проблем – обособленное структурное
подразделение Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федеральный исследовательский центр
«Саратовский научный центр Российской академии наук»,
г. Саратов, Россия,
¹vkirs@yandex.ru, ²marina-spirina-01@mail.ru

Аннотация. Проанализировано влияние глобальных и национальных трендов структурных изменений в агропродовольственной сфере на параметры развития молочнопродуктового подкомплекса России. Исследованы тенденции изменения параметров экономической устойчивости и особенности структурной адаптации подкомплекса к условиям действия дестабилизирующих факторов и ограничений, оказывающих влияние на перспективы его развития. Сформулированы приоритеты структурной модернизации молочнопродуктового подкомплекса и определены меры государственного регулирования, в т.ч. антикризисной направленности, позволяющие реализовать его конкурентные преимущества и обеспечить экономическую устойчивость и сбалансированность развития в новых условиях.

Ключевые слова: агропродовольственный комплекс, молочнопродуктовый подкомплекс, сбалансированность, структурные изменения, экономическая устойчивость, дестабилизирующие факторы

Для цитирования: Кирсанов В.В., Спирина М.В. Тенденции и приоритеты развития молочнопродуктового комплекса России в условиях действия внешних дестабилизирующих факторов // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2023. № 3. С.12-18.

Original article

TRENDS AND PRIORITIES OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN DAIRY PRODUCT SUBCOMPLEX UNDER THE CONDITIONS OF EXTERNAL DESTABILIZING FACTORS

Vladimir V. Kirsanov¹, Marina V. Spirina²
¹⁻² Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State
Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific
Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia
¹vkirs@yandex.ru, ²marina-spirina-01@mail.ru

Abstract. The influence of global and national trends of structural changes in the agri-food sector on the development parameters of the Russian dairy product subcomplex is analyzed. Trends in changes in the parameters of economic stability and features of the structural adaptation of the subcomplex to the conditions of destabilizing factors and restrictions that influence the prospects

for its development have been studied. The priorities for the structural modernization of the dairy product subcomplex have been formulated and measures of state regulation have been determined, incl. anti-crisis orientation, making it possible to realize its competitive advantages and ensure economic sustainability and balanced development in the new conditions.

Keywords: *agro-food complex, dairy subcomplex, balance, structural changes, economic stability, destabilizing factors.*

For citation: *Kirsanov V.V., Spirina M.V. Transformation of development models of the Russian meat products sub-complex under sanctions restrictions . Regional agrosystems: economics and sociology. 2023;(3):12-18. (In Russ)*

Введение.

Молочнопродуктовый подкомплекс Российской Федерации по уровню и потенциалу развития занимает важное место в экономике страны. В структуре выручки от реализации продукции сельскохозяйственными организациями доля молока составляет 15,2 %. Для современного состояния молочнопродуктового подкомплекса России характерным является наличие несбалансированности ряда цепочек создания стоимости, высокой степени зависимости от поставок импортных продуктов для внутрикомплексного потребления. Высокой является и зависимость от импорта конечной продукции. В настоящее время по молоку и молокопродуктам не достигнуты целевые значения самообеспечения (продовольственной независимости) в соответствии с требованиями, сформулированными в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации – 84,2% (на 5,8 п.п. ниже порогового значения – не менее 90%) [1].

Годовое потребление молока и молочных продуктов в России составляет 241 кг на человека [2], что существенно ниже рекомендуемого Минздравом уровня (74,2 % от нормы в 325 кг) и ниже стандартов потребления в экономически развитых странах мира. Потребление молока по России в целом в 2022 году не выросло, а в 34 регионах страны сократилось.

Структурные проблемы подкомплекса обострило, с одной стороны, санкционное противостояние, определившее новые системные вызовы для системы управления его развитием. С другой, модель экономического роста 2000-х годов, основанная на вовлечении в производство незадействованных мощностей и рабочей силы, концентрации мер государственной поддержки лишь на отдельных, пусть и важных, звеньях воспроизводственной цепи, постепенно исчерпывает свой потенциал. Наш анализ показывает, что фрагментированные межотраслевые цепочки создания добавленной стоимости не могут выдерживать конкуренции с имеющимися в мировой экономике полноценными производственными системами. Ликвидация разрывов в цепочках межотраслевых связей и устойчивое сбалансированное развитие является важной предпосылкой гарантированного обеспечения качественными и доступными продуктами питания за счет отечественного производства и конкурентного присутствия отечественных производителей на мировых рынках.

Цель исследования – анализ особенностей структурной адаптации молочнопродуктового подкомплекса России к меняющимся внутренним и внешним экономическим условиям, обусловленным действием санкционных ограничений, оказывающих влияние на перспективы его развития, обоснование приоритетных изменений в структуре подкомплекса и механизмов, позволяющих обеспечить повышение экономической устойчивости развития.

Методика исследования.

В процессе исследования использовались основные положения ситуационного и структурного анализа с привлечением статистических методов обработки данных.

Результаты исследований.

Высокий уровень проблемности в молочнопродуктовом подкомплексе отражает динамика потребления и потребления в расчете на душу населения (рис. 1). Рост уровня потребления молока и молочных продуктов поддерживался за счёт импорта, объёмы производства в расчёте на душу населения снижались вплоть до 2016 года.

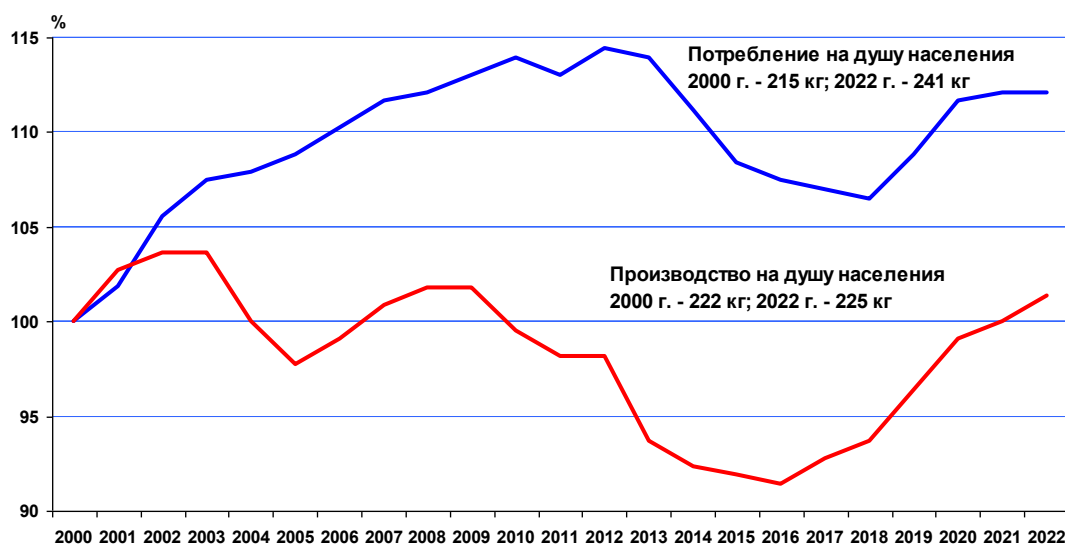

Рисунок 1 – Динамика производства и потребления молока и молочной продукции на душу населения в Российской Федерации, 2000 год = 100 %

Источник: составлено по данным Росстата [2, 3]

Необходимость перераспределения средств государственной поддержки в пользу молочного животноводства была обусловлена критическим с точки зрения обеспечения продовольственной безопасности дефицитом товарного молока и высокой зависимостью от импорта, низкой инвестиционной привлекательностью отрасли, слабыми конкурентными позициями российских товаропроизводителей (как по цене, так и по качеству) по молокоёмким продуктам (сыр, масло, сухая сыворотка, СОМ, СЦМ и др.). Имело место и неэффективное распределение бюджетных средств в рамках действовавшей программы государственной поддержки из-за чрезмерной распыленности.

Объёмы бюджетного финансирования регулярно увеличивались и возросли с 15,6 млрд. руб. в 2015 году до 51 млрд. руб. в 2022 году (рис. 2).

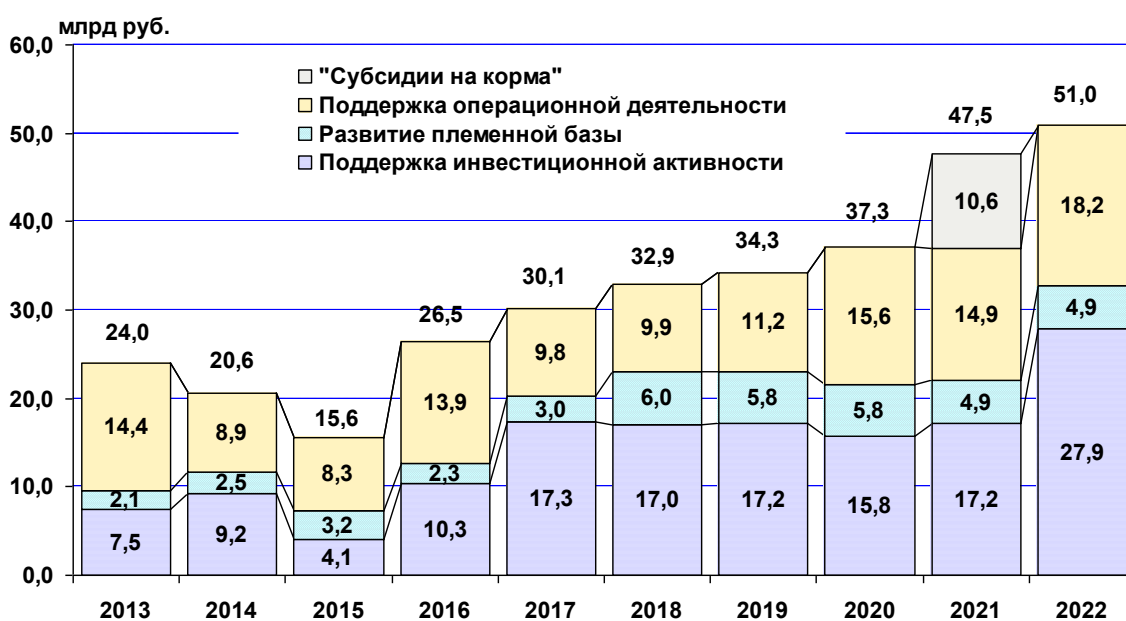

Рисунок 2 – Динамика объёма и структуры государственной поддержки молочной отрасли за счет средств федерального бюджета, млрд. руб.

Источник: составлено с использованием данных Минсельхоза России, Национального союза производителей молока (СОЮЗМОЛОКО) [4].

Сегодня государство содействует активизации процессов создания современных производственных циклов. За счет концентрации капитала в точках роста сформировались крупные производственные системы, способные успешно наращивать объемы производства. Повышение уровня внутрикомплексной сбалансированности используемых факторов производства, укрепление вертикальных межотраслевых связей и сокращение транзакционных издержек, связанных с приобретением необходимых ресурсов, способствовали росту объемов и эффективности производства. В результате увеличились объёмы производства товарного молока, стабилизировалась и выросла рентабельность производственной деятельности (табл. 1), улучшился инвестиционный климат за счёт инструментов государственной поддержки инвестиционной деятельности (сарех) и поддержки операционной деятельности («несвязанная поддержка», «субсидия на литр» и др.).

Таблица 1 – Уровень рентабельности (убыточности) проданных товаров, продукции, работ, услуг, в процентах

	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Сельское хозяйство						
Производство сырого коровьего молока	-15,0	-20,4	8,1	14,2	14,0	20,8
Перерабатывающая промышленность						
Производство молочной продукции в том числе:	8,0	8,4	7,1	9,4	5,1	7,6
<i>Производство питьевого молока и питьевых сливок</i>	6,0	6,9	6,3	6,4	4,5	6,8
<i>Производство сливочного масла, топленого масла, масляной пасты, молочного жира</i>	3,0	-2,1	-0,5	0,5	2,6	2,3
<i>Производство сыра и сырных продуктов</i>	9,0	11,2	9,3	9,5	7,9	8,5
<i>Производство молока и молочных продуктов для детского питания</i>	18,0	18,4	16,3	9,3	7,0	8,8
Торговля						
Торговля оптовая молочными продуктами	3,0	2,9	4,4	3,4	3,1	3,9
Торговля розничная молочными продуктами в специализированных магазинах	-1,0	1,1	1,3	0,7	-1,1	4,8

Источник: составлено по данным Росстата [5].

В молочном животноводстве сохраняется устойчивая тенденция концентрации производства сырого молока в крупных специализированных организациях. Совокупный валовой надой молока тридцати первых компаний-лидеров молочного животноводства в 2022 году превысил 4 млн. тонн, а их доля в общем производстве товарного молока составила 17 % [6]. Важную роль в формировании этой тенденции имели меры государственной поддержки, сфокусированные на форсированном развитии крупного бизнеса, способного в короткие сроки нарастить сырьевую базу молочной промышленности и снизить зависимость от импортных поставок. Эффективность производственной деятельности передовых компаний соответствует уровню отраслевых лидеров в мире. Средний надой 30-ти наиболее эффективных хозяйств России вырос на 4% и вплотную приблизился к 12 000 кг на голову в год [7].

В сегменте переработки в последние годы фиксируется снижение концентрации производства, обусловленная, прежде всего, формированием благоприятных условий для развития регионального бизнеса, ориентированного на местного производителя (таблица 2). Индекс Херфиндаля-Хиршмана снижался с 228,55 в 2018 году до 171,66 в 2021 году. В 2022 году рынок продукции молочной промышленности оставался низкоконцентрированным, но стали расти доли крупных производителей, вырос и индекс Херфиндаля-Хиршмана.

Сложившиеся положительные темпы роста в молочном животноводстве являются устойчивыми, но невысокими. Министерство экономического развития России в актуальном прогнозе оценивает прирост производства молока в 2023 году в 1 %, в 2026 году к уровню 2022 года в 1,9% [9]. Для реализации имеющегося потенциала развития и гарантированного обеспечения параметров продовольственной безопасности важно увеличивать темпы роста.

Таблица 2 – Динамика коэффициентов концентрации производства по видам экономической деятельности за 2018-2022 годы (без субъектов малого предпринимательства)

	2018	2019	2020	2021	2022
1 предприятие	12,86	11,10	9,70	10,37	8,59
6 предприятий	30,17	29,60	27,30	21,43	24,34
10 предприятий	35,01	34,10	31,70	26,12	28,98
25 предприятий	48,06	47,00	43,90	39,17	41,40
50 предприятий	62,43	61,30	58,10	54,43	56,00
Индекс Херфиндаля-Хиршмана (hhi)	288,55	271,7	228,50	171,66	175,85
<i>Справочно:</i> количество предприятий-производителей	403	414	408	405	417

Источник: составлено по данным Росстата [8].

Накопленные изменения в молочнопродуктовом подкомплексе позволяют перейти от модели импортозамещения к экспортноориентированной модели. На развитие подкомплекса в среднесрочной перспективе будут оказывать влияние технологическая модернизация, повышение уровня сбалансированности развития всех стадий процесса создания добавленной стоимости, оптимизация производственных затрат и рост эффективности производства, развитие логистики и выход на новые экспортные рынки. Для преодоления негативных последствий санкционного давления и повышения устойчивости функционирования важно обращать внимание на необходимость защиты оказавшихся под угрозой цепочек поставок за счет роста диверсификации и взаимозаменяемости фрагментов цепочек добавленной стоимости, разнообразия источников снабжения, обеспечивать рост межотраслевой сбалансированности развития и формирование на этой основе целостных межотраслевых цепочек создания добавленной стоимости с высоким уровнем национального контроля за функционированием критически важных звеньев.

Заключение.

Перспективы и полноценная реализация конкурентного потенциала России связаны с успешным преодолением санкционного давления, формированием современного агропродовольственного комплекса, модернизированного на инновационной основе.

Трансформация внешних и внутренних условий экономического развития, нерешенность вопросов гарантированного обеспечения целевых параметров потребления молочных продуктов населением и необходимого уровня независимости от импорта, замедление темпов роста, появление новых аспектов развития, связанных с ESG-повесткой, «зеленой экономикой», обуславливает необходимость разработки отдельной Программы развития молочнопродуктового подкомплекса. Для реализации потенциальных возможностей устойчивого экономического роста важно формирование механизмов противодействия внешним дестабилизирующим факторам на базе структурной модернизации инновационной направленности, поддержка деловой активности по критическим зонам в межотраслевых цепочках; обеспечение межотраслевой сбалансированности интересов хозяйствующих субъектов в цепочках создания добавленной стоимости с разной целевой направленностью (нацеленных на удовлетворение преимущественно внутренних потребностей в конечной и промежуточной продукции; импортозамещающих; экспортноориентированных) с целью увеличения совокупного эффекта и справедливого распределения его среди участников, соответствующего вкладу в формирование, обеспечение высокой степени национального контроля за целостностью воспроизводственного процесса в цепочках. Государственная поддержка должна становиться более дифференцированной, нацеленной на развитие критически важных для обеспечения сбалансированного развития и формирования целостных цепочек создания добавленной стоимости [10, 11].

Список источников

1. Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2022 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной

- продукции, сырья и продовольствия / Минсельхоз. 2023. - URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/8b5/yvt18slkd24xjlxudr56sy9nvxnrrfuu.pdf>
2. Потребление основных продуктов питания по Российской Федерации / Росстат. - URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/potr-rf.xls>
3. Производство сельскохозяйственной продукции на душу населения / Росстат. - URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/jiv_dsh.xls
4. Развитие молочной индустрии России: итоги 2022 года и прогноз на 2023 год / Национальный союз производителей молока (СОЮЗМОЛОКО). - URL: <https://souzmoloko.ru/>
5. Уровень рентабельности (убыточности) проданных товаров, продукции, работ, услуг с 2017 г. / Росстат. - URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58036>
6. Рейтинг крупнейших производителей молока по итогам 2022 года / Союзмолоко, Milknews и Streda Consulting. - URL: <https://souzmoloko.ru/news/Valovyj-nadoj-Top-30.html>
7. Рейтинг ТОП-30 молочных хозяйств по эффективности по итогам 2022 года / Союзмолоко. 27.09.2023. - URL: <https://milknews.ru/analitika-rinka-moloka/reitingi/TOP-30-samyh-effektivnyh-molochnyh-hozjajstv-22.html>
8. Коэффициенты концентрации производства по видам экономической деятельности / Росстат. - URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/concurent_sreda.htm
9. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов / Министерство экономического развития РФ. - URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_2024_god_i_na_planovyy_period_2025_i_2026_godov.html
10. Ермолова О.В., Яковенко Н.А., Кирсанов В.В., Иваненко И.С., Остапенко Т.В. Оценка структурных преобразований в агропродовольственном комплексе России // Продовольственная политика и безопасность. 2022. Т.9. № 1. С. 49-66.
11. Ermolova O., Yakovenko N., Kirsanov V., Ivanenko I. Structural changes in the agri-food complex: priorities and management mechanisms. IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 12th International Scientific Conference on Agricultural Machinery Industry, INTERAGROMASH 2019: 012072.

References

1. National report on the progress and results of the implementation in 2022 of the State Program for the Development of Agriculture and Regulation of Markets for Agricultural Products, Raw Materials and Food. 2023. - URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/8b5/yvt18slkd24xjlxudr56sy9nvxnrrfuu.pdf> (In Russ)
2. Consumption of basic food products in the Russian Federation. - URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/potr-rf.xls> (In Russ)
3. Agricultural production per capita. - URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/jiv_dsh.xls (In Russ)
4. Development of the Russian dairy industry: results of 2022 and forecast for. - URL: <https://souzmoloko.ru/> (In Russ)
5. Level of profitability (loss ratio) of goods, products, works, services sold since 2017. - URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58036> (In Russ)
6. Rating of the largest milk producers based on the results of 2022 / Soyuzmoloko, Milknews and Streda Consulting. - URL: <https://souzmoloko.ru/news/Valovyj-nadoj-Top-30.html> (In Russ)
7. Rating of TOP-30 dairy farms by efficiency based on the results of 2022. - URL: <https://milknews.ru/analitika-rinka-moloka/reitingi/TOP-30-samyh-effektivnyh-molochnyh-hozjajstv-22.html> (In Russ)
8. Production concentration coefficients by type of economic activity. - URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/competitive_sreda.htm (In Russ)

9. Forecast of socio-economic development of the Russian Federation for 2024 and for the planning period of 2025 and 2026. - URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_2024_god_i_na_planovyy_period_2025_i_2026_godov.html (In Russ)

10. Ermolova O.V., Yakovenko N.A., Kirsanov V.V., Ivanenko I.S., Ostapenko T.V. Assessment of structural transformations in the agricultural and food complex of Russia. *Food policy and security*. 2022;9(1):49-66. (In Russ)

11. Ermolova O., Yakovenko N., Kirsanov V., Ivanenko I. Structural changes in the agri-food complex: priorities and management mechanisms. IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 12th International Scientific Conference on Agricultural Machinery Industry, INTERAGROMASH 2019: 012072.

Информация об авторах:

В.В. Кирсанов – кандидат экономических наук;

М.В. Спирина – лаборант-исследователь.

Information about the authors

V.V. Kirsanov – candidate of economic sciences;

M.V. Spirina - research assistant.

Статья поступила в редакцию 18.09.2023; одобрена после рецензирования 25.09.2023; принята к публикации 30.09.2023.

The article was submitted 18.09.2023; approved after reviewing 25.09.2023; accepted for publication 30.09.2023.

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2023. № 3. С. 19-27.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2023;(3): 19-27.

Научная статья
УДК 338.43:631.1(571.13)

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ОМСКОЙ ОБЛАСТИ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМЫ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Елена Александровна Погребцова
Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего образования
«Омский государственный аграрный университет имени П.А. Столыпина»,
г. Омск, Россия, ea.pogrebtsova@omgau.org

Аннотация. Стратегия развития агропромышленного комплекса Омской области должна обеспечивать продовольственную безопасность и решать задачи повышения качества жизни населения региона. В рамках статьи проведён анализ аграрного сектора региона для выявления потенциала его роста. Автор рассматривает структуру сельскохозяйственного сектора как основного источника продуктов питания и сырья для промышленных предприятий не только Омской области, но и других субъектов Российской Федерации. Особое внимание уделено анализу сдерживающих факторов и обоснованию перспектив развития продовольственной безопасности в условиях глобальных вызовов. Полученные результаты имеют практическую значимость, поскольку позволяют наметить тенденции роста агропромышленного комплекса Омской области в условиях глобальных вызовов.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, сельское хозяйство, регион, глобальные вызовы, сельхозтоваропроизводитель.

Для цитирования: Погребцова Е.А. Сельское хозяйство Омской области в решении проблемы продовольственной безопасности страны в условиях глобальных вызовов // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2023. № 3. С 19-27.

Original article

AGRICULTURE OF THE OMSK REGION IN SOLVING THE PROBLEM OF FOOD SECURITY OF THE COUNTRY IN THE CONTEXT OF GLOBAL CHALLENGES

Elena A. Pogrebtsova
Federal State Budgetary Institution of Higher Education
«Omsk State Agrarian University named after P.A. Stolypin»,
Omsk, Russia, ea.pogrebtsova@omgau.org

Abstract. The development strategy for the agro-industrial complex of the Omsk region should ensure food security and solve the problems of improving the quality of life of the region's population. The article contains an analysis of the region's agricultural sector to identify its growth potential. The author examines the structure of the agricultural sector as the main source of food and raw materials for industrial enterprises not only in the Omsk region, but also in other constituent entities of the Russian Federation. Particular attention is paid to the analysis of limiting factors and justification of the prospects for the development of food security in the context of global chal-

lenges. The results obtained are of practical significance, since they allow us to outline growth trends in the agro-industrial complex of the Omsk region in the context of global challenges.

Key words: food security, agriculture, region, global challenges, agricultural producer.

For citation: Pogrebtsova E.A. Agriculture of the Omsk region in solving the problem of food security of the country in the context of global challenges. Regional agrosystems: economics and sociology. 2023;(3):19-27. (In Russ)

Введение.

В условиях усиления глобальных вызовов обеспечение продовольственной безопасности является не только приоритетным направлением усиления национальной безопасности, гарантирующим сохранение государственности и суверенитета страны [1], но и ключевым фактором повышения уровня и качества жизни населения.

Впервые термин «продовольственная безопасность» прозвучал на Всемирной конференции по продовольственным проблемам в Риме в 1974 году [2]. В России данный термин был использован в программно-целевых документах лишь двадцать лет спустя в «Программе стабилизации и развития сельскохозяйственного производства на 1996-2000 годы» [3]. Среди актуальных документов стоит отметить утвержденную Указом Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 Доктрину продовольственной безопасности Российской Федерации, в которой отмечено, что «цель продовольственной безопасности – гарантировать удовлетворение потребности населения в продовольствии в основном за счет отечественных продуктов питания на уровне, достаточном для его нормальной жизнедеятельности» [4]. Основные задачи Доктрины представлены на рисунке 1. В качестве целевых индикаторов Доктрины выступает уровень самообеспеченности продуктами питания в общем объеме товарных ресурсов, который по зерновым и картофелю должен составлять 95 %, по производству молока и овощей – 90 %, мяса – 85%, фруктов – 60 %.

Многие видные российские ученые предлагали свои трактовки термина «продовольственная безопасность», в числе основных авторов стоит выделить: Алтухова А. И., Вермеля Д. Ф. (1997); Папело В. Н., Радчикова А. Н., Скурихина П. В., Чешинского Л. С. (2000); Афанасьева С. Г. (2005); Вечканова Г. С. (2007); Юнусова П. С. (2008); Ибрагимов М.-Т. А., Дохолян С. В. (2010); Файзуллина Г. Г. (2014); Ахметжанова Л. Р., Ахиярова Р. А. (2020); Краснова В. В., Дрындал А. А. (2021) и многих других.

Чешинский Л. С. рассматривает продовольственную безопасность с точки зрения потребителя, как гарантию насыщения основных его потребностей в продовольствии за счет отечественного производства [5].

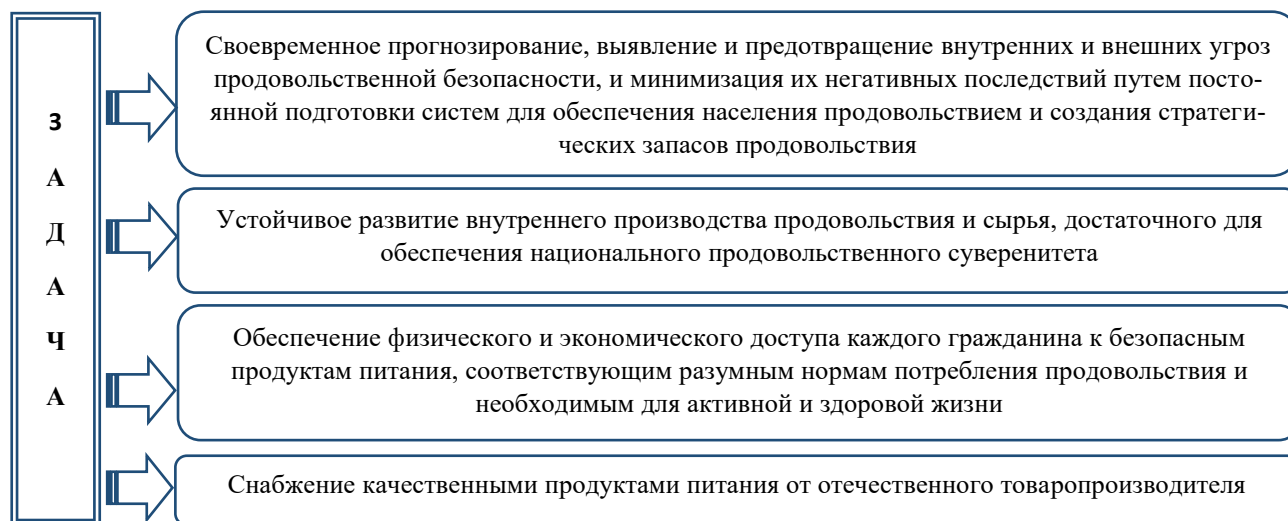

Рисунок 1 – Задачи обеспечения продовольственной безопасности

Источник: составлено по данным [4]

Вечканов Г.С. в качестве основного критерия достижения продовольственной безопасности называет конъюнктуру продовольственного рынка. По его мнению, продовольственная безопасность - это состояние рынка, при котором предложение продовольственных товаров и текущий потребительский спрос находятся в равновесии при приемлемом для населения уровне цен, достаточном ассортименте и необходимых запасах [6]. Алтухов А. И. и Вермели Д. Ф. под продовольственной безопасностью понимают устойчивость системы к неблагоприятным внутренним и внешним воздействиям для обеспечения граждан необходимым количеством, разнообразием и качеством продовольствия [7].

Афанасьев С.Г. считает, что государство несет ответственность за обеспечение экономического и физического доступа всех домохозяйств в стране к качественным продуктам питания [8]. С данной точки зрения, продовольственная безопасность представляется, как способность государства гарантировать потребности своих граждан в количестве, качестве и ассортименте продуктов питания в соответствии с научно-обоснованными стандартами и нормами, независимо от внешних и внутренних угроз, и улучшать их качество с течением времени [9].

Файзуллин Г.Г. утверждает, что продовольственная безопасность является частью национальной безопасности, средством сохранения государственного суверенитета, важнейшим компонентом демографической политики и необходимым условием для обеспечения здоровья населения, его физической активности, долголетия и высокого качества жизни [10].

С нашей точки зрения, наиболее лаконичное и обобщающее все вышепредставленные трактовки термина «продовольственная безопасность» определение можно встретить в работах Сенчагова В.К., который отмечает, что продовольственная безопасность - это важнейший элемент национальной экономической безопасности и предполагает обеспечение нормального функционирования такой биологической системы, как человек, за счет преимущественно внутреннего производства продуктов питания с учетом норм, рекомендованных Институтом питания РАМН, защиту населения от недоброкачественной продукции, а внутреннего рынка – от избыточных, демпинговых импортных поставок сельскохозяйственной продукции, создание резервов, страховых запасов и условий для выхода на внешний рынок сельхозпроизводителей [11].

В качестве основной проблемы, препятствующей достижению продовольственной безопасности, многие ученые выделяют высокую межрегиональную дифференциацию уровня доходов населения [12; 13]. Ахметжанова Л. Р. подчеркивает, что в ближайшей перспективе должна быть сформирована законодательная база, которая будет учитывать специфику обеспечения продовольственной безопасности на региональном уровне (неблагоприятные климатические и экономические условия, неравенство доходов в различных группах населения, привычки потребления продуктов питания, доступ к продовольствию через различные каналы, материально-техническое обеспечение и т.п.) [14].

Таким образом, выявление региональных особенностей развития предприятий агропродовольственного комплекса, проведение сопоставления уровня производства продовольственной продукции и уровня потребления населением продуктов питания на примере конкретного региона является актуальной задачей исследования.

Цель исследования – оценить роль сельского хозяйства Омской области в решении проблемы продовольственной безопасности России в условиях глобальных вызовов.

Методика исследования.

Исследование проводилось с использованием монографического метода и метода сравнительного анализа, основных положений ситуационного и структурного анализа с привлечением статистических методов обработки данных. Информационную базу исследования составили официальные данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Омской области, органов законодательной и исполнительной власти РФ.

Результаты исследования.

Анализ Стратегии социально-экономического развития Омской области до 2030 года показал, что основной целью развития региона в условиях усиления санкционного давления

становится формирование его эффективной экономической базы и последовательное повышение качества жизни населения, при этом ключевым стратегическим приоритетом будущего экономического роста области является инновационное развитие агропромышленного комплекса.

Сельское хозяйство является ведущей отраслью экономики Омской области. Его вклад в ВРП составляет более 8 % (табл. 1), и оно обеспечивает занятость 8,6 % трудоспособного населения региона.

Таблица 1 – Производство сельскохозяйственной продукции в Омской области

Показатель	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2019/2022, %
Валовая продукция сельского хозяйства во всех предприятиях, млн. руб.	98011,8	101067,0	126168,3	129634,8	132,3
- сельскохозяйственные организации	48823,3	48287,9	58309,4	60790,6	124,5
- личные подсобные хозяйства	27243,0	26996,6	33024,5	35268,4	129,5
- крестьянские (фермерские) хозяйства	21945,5	25782,5	34834,4	33575,8	152,9
Индекс продукции сельского хозяйства, %	96,6	100,2	101,9	100,0	-
Валовой сбор продуктов растениеводства, тыс. т.					
- зерно после доработки	3051,7	3034,2	2937,5	2916,4	95,6
- масличные культуры	255,0	278,8	374,2	333,1	130,6
- картофель	297,6	266,8	321,0	352,1	118,3
- овощи	143,9	132,9	135,9	144,1	100,1
Валовой сбор продуктов животноводства, тыс.т.					
- скот и птица в убойном весе	157,1	151,7	139,7	141,6	90,1
- молоко	609,5	617,2	609,6	608,3	99,8
- яйца, млн. штук	864,6	635,8	563,1	871,2	100,7

Источник: составлено автором на основе [15].

Доля растениеводческой продукции в общем объеме сельскохозяйственного производства Омской области составляет 56,8 %. По сравнению с 2019 годом в 2022 году валовое производство зерна в хозяйствах всех категорий региона уменьшилось на 4,4% и составило 2916,4 тыс. тонн. За тот же период производство масличных культур увеличилось на 30,6 % (до 33,1 тыс. тонн), картофеля – на 18,3% (до 352,1 тыс. тонн), овощей открытого и закрытого грунта – на 0,1% (144,1 тыс. тонн). Рост общего объема растениеводческой продукции обусловлен увеличением посевных площадей и повышением урожайности сельскохозяйственных культур.

В 2022 году доля животноводческой продукции в общем объеме сельскохозяйственного производства Омской области составляла 43,2%. Благодаря грантовой поддержке малых форм хозяйствования, птицефабрики области уверенно восстанавливаются после пандемии птичьего гриппа 2020 года, когда было уничтожено практически все поголовье.

По производству зерна и масличных культур достигнутые показатели позволили региону по итогам прошлого года занять 2 место в рейтинге субъектов Сибирского федерального округа, по мясу - 3 место, по молоку и овощам - 4 место, по яйцу и картофелю - 5 место.

Масштабы сельского хозяйства Омской области позволяют не только полностью обеспечивать продуктами питания население региона, но и экспортировать сельскохозяйственную продукцию за его пределы.

За исключением производства овощей самообеспеченность региона основными видами сельскохозяйственной продукции превышает 100%, при этом объемы производства зерна выше требуемого уровня практически в два раза. В 2022 году в Омской области было произведено 144 тыс. тонны овощей открытого и закрытого грунта, при этом уровень самообеспечения составил лишь 63 %. В целях увеличения производства овощей закрытого грунта Правительством области планируется в течение следующих пяти лет построить ряд крупных современных тепличных комплексов.

В соответствии с данными таблицы 2, Омская область по большинству показателей полностью обеспечивает себя сельскохозяйственной продукцией, однако из-за низких реально располагаемых доходов населения наблюдается недостаточное потребление продуктов

питания городскими и сельскими жителями. Фактическое потребление овощей на душу населения оценивается в 91 кг (65,5 % от рекомендуемой нормы потребления), картофеля – в 58 кг (58 % от нормы), молока – в 258 кг (78,2 % от нормы), яйцо – 219 штук (84,2 % от нормы). Более того, стремление к здоровому образу жизни привело к сокращению потребления хлеба – до 74 кг при норме в 105 кг.

Таблица 2 – Потребление продуктов питания жителями Омской области в 2021 году

Продукты	Норма потребления, кг	Потребление продуктов питания, кг			Стоимость продуктов в месяц, руб.		Уровень самообеспеченности, %
		все домашние хозяйства	городские	сельские	городские	сельские	
Хлеб	105	74	73	77	815	805	-
Зерно	-	-	-	-	-	-	189,0
Картофель	100	58	57	60	179	191	100,0
Овощи	139	91	88	98	672	705	63,0
Фрукты	100	70	71	66	578	533	-
Мясо	72,5	84	87	78	1964	1617	100,0
Молоко	330	258	260	252	1165	1112	109,4
Яйцо	260	219	215	230	136	141	122,4

Источник: составлено автором на основе [15].

В настоящее время наблюдается разница в составе продуктовой корзины у жителей города и села. В сельской местности потребляют больше овощей, хлеба и яиц, а городские жители предпочитают приобретать фрукты, мясо и молочную продукцию. Недостаток потребления фруктов у обеих категорий населения объясняется высоким уровнем цен, поскольку большинство продуктов данной категории импортируется в Омскую область из других регионов.

Таким образом, уровень самообеспеченности Омской области продуктами питания является достаточно высоким, потребительские предпочтения населения смещены в сторону продукции внутреннего производства.

В 2022 году Омская область заняла второе место среди регионов России по экспорту молока, сливок и мороженого на мировой рынок, третье – по экспорту семян льна и пятое – сливочного масла. Среди регионов Сибирского федерального округа область лидирует по объемам экспорта пшеницы, молока, сливок, мороженого, колбасных изделий и мясных субпродуктов. Достижение высоких показателей экспорта сельскохозяйственной продукции Омской области стало возможным благодаря реализации федерального проекта «Экспорт продукции агропромышленного комплекса». В рамках данного проекта предприятиям региона компенсируют части транспортных расходов и затраты на сертификацию продукции, при этом особое внимание уделяется производству масличных культур, федеральное субсидирование которого составило 76,7 млн. рублей [16].

Экспорт сельскохозяйственной продукции Омской области за пять месяцев 2023 года составил 159,4 млн. долларов, что на 8,4 % больше аналогичного периода прошлого года. Основной объем экспорта приходится на Китай, Казахстан, Южную Корею, Турцию, Кыргызстан и Беларусь, которые закупают в регионе зерновые, масличные, кондитерские изделия и напитки.

Доля вывоза сельскохозяйственной продукции Омской области в другие регионы России также растет. В 2019 году вывоз овощных консервов в Новосибирскую область увеличился в 2,8 раза, колбасных изделий - в 2,5 раза, сливочного масла - в 1,9 раза, вареного мяса - на 40,7 %. В Кемеровскую область поставки мяса и полуфабрикатов увеличились в 2,5 и 3,8 раза, кондитерских изделий - в 4,5 раза, сыров - в 8,2 раза. Экспорт сыра в Республику Башкортостан увеличился в 10,1 раза, макаронных изделий - на 34,4 %. Экспорт сыров в Республику Татарстан увеличился в 5,8 раза, сливочного масла - в 2,5 раза, крупы - в 2,2 раза, макаронных изделий - на 70,5%. Добиться таких результатов стало возможным, благодаря государственной поддержке в размере 493 млн. руб.

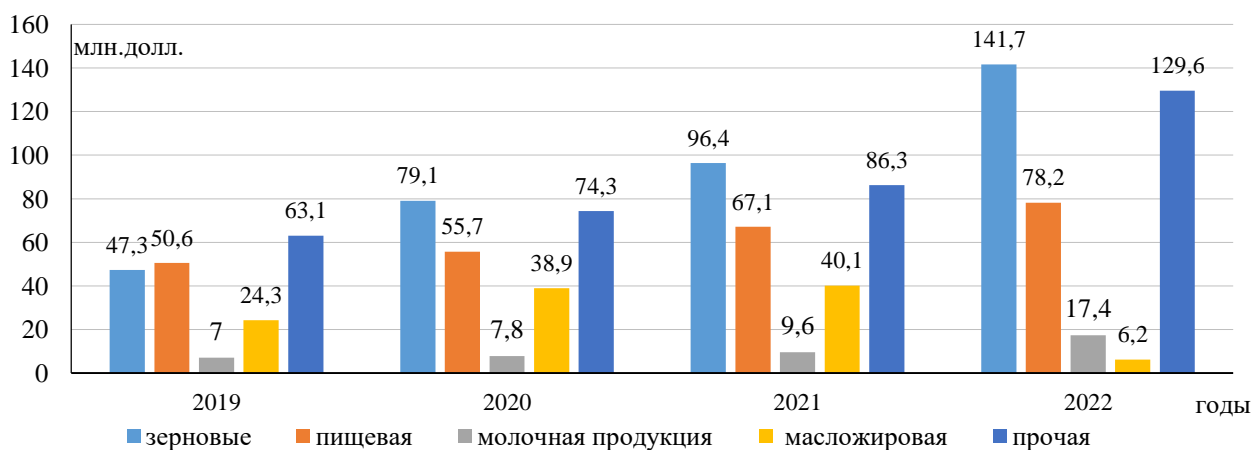

Рисунок 2 – Отраслевая структура экспорта агропромышленного комплекса Омской области

Источник: составлено автором на основе [17].

Согласно рисунку 2, за период 2019-2022 гг. наблюдался устойчивый рост объемов экспорта сельскохозяйственной продукции Омской области практически по всем позициям, лишь в 2022 году произошло снижение поставок масложировой продукции в связи с регистрацией трейдеров или материнских компаний в других субъектах Российской Федерации. За этот период экспорт зерна увеличился в 12 раз, основными поставщиками которого являются: ООО «Сибирский комбинат хлебопродуктов», ООО «Зерновые линии», ООО «Омское продовольствие», ООО ТД «Веселый мельник», ОАО «Любинский молочно-зерновой комбинат», ООО «Ястро-переработка». Потенциальными драйверами развития экспорта продукции АПК в регионе являются поставки пшеницы в Северную Африку и Китай, экспорт семян льна в Центральную Азию, зернобобовых культур в Южную Азию и на Ближний Восток. Таким образом, основной целью развития экспорта является увеличение масштабов и объемов производства традиционной сельскохозяйственной продукции региона, а также сохранение его текущих позиций на внешних и внутренних рынках за счет расширения зоны поставок.

Развитие сельского хозяйства напрямую связано с решением проблемы обеспечения качественным питанием населения Омской области. Перспективным направлением развития является формирование сырьевой базы национальной системы продовольственной помощи. Она должна быть направлена на улучшение питания и достижение его сбалансированности с учетом рациональных норм рекомендуемого потребления продуктов питания. Конкурентные преимущества и сдерживающие факторы развития агропромышленного комплекса Омской области представлены в таблице 3.

Таким образом, необходимость обеспечения продовольственной безопасности стимулирует трансформацию региональной аграрной политики, способствует росту финансовой поддержки производителей, усилению защиты их интересов и развитию материально-технологической базы предприятий агропромышленного комплекса.

Заключение.

Подводя итоги сельскохозяйственного года (2022/2023) в Министерстве сельского хозяйства РФ заявили, что большая часть показателей продовольственной безопасности уже достигнута, в частности, зерном и растительным маслом отечественного производства Российская Федерация обеспечена более чем на 185%. Российские аграрии обеспечивают потребности внутреннего рынка в рыбе и рыбной продукции на 153%, по сахару и мясу — на 103% и 101% соответственно. В связи с этим в новой редакции Доктрины продовольственной безопасности РФ большое внимание уделяется проблемам совершенствования системы обеспечения агропродовольственного комплекса страны техническими и материальными ресурсами, развитию производства материально-технических ресурсов для производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия, производственной и социальной инфра-

структуры, фундаментальных и прикладных научных исследований. Таким образом, понятие «продовольственной безопасности» трансформируется в соответствии с текущими целями и задачами развития государства, но не теряет своей актуальности.

Таблица 3 – Сдерживающие факторы и конкурентные преимущества агропромышленного комплекса Омской области

Сдерживающие факторы	Конкурентные преимущества	Приоритеты развития
Сложно прогнозируемая отрасли по рискам, так как имеется зависимость от природно-климатических условий или продуктивности животных	Высокая доля сельскохозяйственных работников, относительно высокий уровень производительности труда и развитая специализация (зерновые)	Развитие экспортного потенциала агропромышленного сектора Омской области и продвижение агропродукции на наиболее привлекательные региональные и международные рынки
Низкий уровень развития инфраструктуры области	Активное привлечение инвестиций	Усиление основных отраслей сельского хозяйства
Слабое сотрудничество производителей и научно-исследовательских институтов	Высокий потенциал развития пищевой промышленности	Создание условия для закрепления квалификационных кадров на селе и продвижение агростартапов
Высокая степень физического износа основных средств в отраслях сельского хозяйства	Наличие научных учреждений, занимающихся развитием семеноводства и селекцией	Высокоэффективное использование земельных ресурсов и повышения плодородия почв
Низкие темпы обновления основных средств	Наличие пригодных неиспользуемых земельных ресурсов	Развитие сельскохозяйственного машиностроения на территории региона
Большинство предприятий являются финансово неустойчивыми, низкая доступность заемных средств	Наличие на территории области образовательных учреждений, стимулирующих развитие кадрового потенциала	Совершенствование региональных систем надзора за ветеринарной инспекцией и управлением лабораториями
Ограниченный доступ к ключевым рынкам	Наличие производителей сельскохозяйственной техники	Инновационное и цифровое развитие агропромышленного комплекса
Нехватка компетентных кадров из-за низкой заработной платы	Наличие предприятий глубокой переработки сельскохозяйственной продукции	Выход на новые рынки сбыта с продукции глубокой переработки и создание производств в новых сегментах

Источник: составлено автором на основе [16].

Омская область является регионом сельскохозяйственной специализации, агропромышленный сектор которого восприимчив к инновационному развитию и учитывает влияние внутренних и внешних факторов для повышения эффективности агропромышленного производства. Уровень самообеспеченности Омской области сельскохозяйственной продукцией выше среднероссийского, что позволяет региону обеспечивать продуктами питания другие субъекты Российской Федерации и экспортировать их в дружественные страны. По потреблению молока, мяса, хлебопродуктов и овощей на душу населения Омская область входит в десятку лучших. По итогам 2020 года было завершено шесть крупных проектов в агропромышленном комплексе, выдано более 150 льготных инвестиционных кредитов, поддержаны агростартапы.

Вместе с тем, остаются нерешенными ряд институциональных проблем, которые препятствуют экстенсивному развитию агропромышленного сектора региона и росту качества жизни населения, проживающего на сельских территориях Омской области. Прежде всего, необходимо ускорить разработку механизма предоставления земельных ресурсов малым формам (личным подсобным и крестьянско-фермерским) хозяйствования. Кроме того, с нашей точки зрения, качественного улучшения требует реализация федеральных и региональных целевых программ, которые позволяют на льготной основе получать дотации и субсидии на производство агропродовольственной продукции. Из-за высокого процента износа сельскохозяйственной техники, используемой в растениеводстве, и слабой механизации животноводства особое внимание следует уделять расширению возможностей получения товаропроизводителями льготного кредитования на обновление технопарков. Также остается нерешенной проблема дефицита компетентных кадров и молодых специалистов на селе.

Список источников

1. Указ Президента «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». - URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425/>
2. Ахияров Р. А. О продовольственной безопасности как элементе экономической безопасности // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2020. № 1. С. 124-127.
3. Программа стабилизации и развития сельскохозяйственного производства в Российской Федерации на 1996-2000 годы. - URL: <https://docs.cntd.ru/document/9025131>
4. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300. - URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/3e5/3e5941f295a77fdcfed2014f82ecf37f.pdf>
5. Чешинский Л. С. Методологические аспекты продовольственной безопасности России : дис. в виде научного доклада д-ра. экон. наук. М., 2000. 15 с.
6. Вечканов Г. С. Экономическая безопасность: учебник для вузов. СПб. : Питер, 2007
7. Алтухов А. И., Вермель Д. Ф. Продовольственная самообеспеченность страны: состояние и перспективы // АПК: экономика, управление. 1997. № 11. С. 18 – 25.
8. Афанасьев С. Г. Продовольственная безопасность России: теория, методология, практика : дис. ... д-ра экон. наук. М., 2005.
9. Краснова В. В., Дрындак А. А. Теоретические аспекты продовольственной безопасности в контексте обеспечения экономической безопасности государства // Вестник Донецкого национального университета. Серия В. Экономика и право. 2021. № 3. С. 194-202.
10. Файзуллин Г. Г. Продовольственная безопасность страны // Аграрное и земельное право. 2014. №9. С. 143-144.
11. Экономическая безопасность России : общий курс: учебник / под ред. В. К. Сенчагова. М. : Дело, 2005. 72 с.
12. Ибрагимов М.-Т. А., Дохолян С. В. Методические подходы к оценке состояния продовольственной безопасности региона // Региональные проблемы преобразования экономики. 2010. №. 4. С. 172-193.
13. Юнусова П. С. Особенности формирования системы продовольственной безопасности региона // Региональные проблемы преобразования экономики. 2008. №. 2. С. 126-136.
14. Ахметжанова Л. Р. Теоретические основы продовольственной безопасности регионов в аспекте экономической безопасности России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 5, № 10(106). С. 7-14.
15. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области. - URL: <https://55.rosstat.gov.ru>
16. Стратегия социально-экономического развития Омской области до 2030 г. - URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/3ccdfdf750c5eb3a3381ba0045196ab9/proekt_strategii.pdf
17. Экспортный профиль региона Омская область. - URL: <https://aemcx.ru/wp-content/uploads/2023/05/Экспортный-профиль-региона>

References

1. Presidential Decree "On the approval of the Food Security Doctrine of the Russian Federation". - URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425/>
2. Akhiyarov R. A. On food security as an element of economic security. *Actual problems of the state and society in the field of ensuring human and civil rights and freedoms*. 2020;(1): 124-127. (In Russ)
3. The program of stabilization and development of agricultural production in the Russian Federation for 1996-2000. - URL: <https://docs.cntd.ru/document/9025131>
4. The doctrine of food security of the Russian Federation. Approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 1300 dated December 17, 1997. - URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/3e5/3e5941f295a77fdcfed2014f82ecf37f.pdf>

5. Cheshinsky L. S. Methodological aspects of food security of Russia. 2000:15. (In Russ)
6. Vechkanov G. S. Economic security: textbook for universities. 2007. (In Russ)
7. Altukhov A. I., Vermel D. F. Food self-sufficiency of the country: state and prospects. *Agroindustrial complex: economics, management*. 1997;(11): 18-25. (In Russ)
8. Afanasyev S. G. Food security of Russia: theory, methodology, practice. 2005. (In Russ)
9. Krasnova V. V., Dryndak A. A. Theoretical aspects of food security in the context of ensuring the economic security of the state. *Bulletin of the Donetsk National University. Series B. Economics and law*. 2021;(3): 194-202. (In Russ)
10. Fayzullin G. G. Food security of the country. *Agrarian and land law*. 2014;(9): 143-144. (In Russ)
11. Economic security of Russia: general course. 2005:72. (In Russ)
12. Ibragimov M.-T. A., Dokholyan S. V. Methodological approaches to assessing the state of food security in the region. *Regional problems of economic transformation*. 2010;(4): 172-193. (In Russ)
13. Yunusova P. S. Features of the formation of the food security system of the region. *Regional problems of economic transformation*. 2008;(2):126-136. (In Russ)
14. Akhmetzhanova L. R. Theoretical foundations of food security of regions in the aspect of economic security of Russia. *Economics and management: problems, solutions*. 2020; 10(106): 7-14. (In Russ)
15. Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Omsk region. - URL: <https://55.rosstat.gov.ru>
16. Strategy of socio-economic development of the Omsk region until 2030 - URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/3ccdfdf750c5eb3a3381ba0045196ab9/proekt_strategii.pdf
17. Export profile of the Omsk region. - URL: <https://aemcx.ru/wp-content/uploads/2023/05/Экспортный-профиль-региона>

Информация об авторе

Е.А. Погребцова – кандидат экономических наук

Information about the author

E.A. Pogrebtsova – Candidate of Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 06.07.2023; одобрена после рецензирования 19.07.2023; принята к публикации 30.09.2023.

The article was submitted 06.07.2023; approved after reviewing 19.07.2023; accepted for publication 30.09.2023.

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2023. № 3. С. 28-34.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2023;(3): 28-34.

Научная статья
УДК 316.44

ОБОСНОВАНИЕ НАПРАВЛЕНИЙ СОКРАЩЕНИЯ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКИХ РИСКОВ НА СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИИ ПОСРЕДСТВОМ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Вера Николаевна Рубцова

Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», г. Саратов, Россия, mailofnick@yandex.ru

Аннотация. Целью исследования является поиск и научное обоснование теоретико-методологического подхода к разработке прикладных аспектов цифровизации как одного из методов устранения эпидемиологических рисков на сельских территориях России. В применении к цели и задачам исследования обобщены и конкретизированы теоретические положения системного и стратегического междисциплинарного подхода к формированию устойчивого развития сложных систем. Научно обоснована необходимость применения различных инструментов устранения эпидемиологических рисков на сельских территориях с повышенными значениями показателя заболевших коронавирусной инфекцией. На основе конкретизации теоретических положений выявлены особенности формирования цифрового пространства управления эпидемиологическими рисками на сельских территориях России. К их числу отнесена разработка и применение цифровых технологий эпидемиологической диагностики и стратегий устранения эпидемиологических рисков на территориях сельских поселений России.

Ключевые слова: управление, цифровизация, цифровое пространство, эпидемиологические риски, сельские территории.

Для цитирования: Рубцова В.Н. Обоснование направлений сокращения эпидемиологических рисков на сельских территориях России посредством внедрения цифровых технологий // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2023. № 3. С 28-34.

Original article

JUSTIFICATION OF DIRECTIONS FOR REDUCING EPIDEMIOLOGICAL RISKS IN RURAL TERRITORIES OF RUSSIA THROUGH THE IMPLEMENTATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES

Vera N. Rubtsova

Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia, mailofnick@yandex.ru

Abstract: The purpose of the study is to search for and scientifically substantiate a theoretical and methodological approach to the development of applied aspects of digitalization as one of the methods for eliminating epidemiological risks in rural areas of Russia.

According to the purpose and objectives of the study, the theoretical provisions of a systemic and strategic interdisciplinary approach to the formation of sustainable development of complex systems are generalized and specified. The need to use various tools to eliminate epidemiological risks in rural areas with increased coronavirus infection rates has been scientifically substantiated. Based on the specification of theoretical provisions, the features of the formation of the digital space for managing epidemiological risks in rural areas of Russia have been identified. These include the development and application of digital technologies for epidemiological diagnostics and strategies for eliminating epidemiological risks in the territories of rural settlements in Russia.

Key words: management, digitalization, digital space, epidemiological risks, rural areas.

For citation: Rubtsova V.N. Justification of directions for reducing epidemiological risks in rural territories of Russia through the implementation of digital technologies. *Regional agrosystems: economics and sociology*. 2023;(3):28-34. (In Russ)

Введение.

В настоящее время цифровизация системы здравоохранения рассматривается как одно из основных направлений развития современного здравоохранения, с помощью которого может быть обеспечена высокая доступность и качество медицинской помощи всему населению. К числу основных электронных ресурсов развития информатизации в сфере здравоохранения относятся: «Единая государственная информационная система здравоохранения (ЕГИСЗ)»; «Концепция создания единой государственной информационной системы»; «Паспорт национального проекта «Здравоохранение» и другие документы [1 - 3]. В отечественных исследованиях цифровизация системы национального здравоохранения получила высокую оценку в качестве ключевого технологического фактора, обеспечивающего устойчивое и эффективное развитие национальной системы здравоохранения России [4 - 6]. Однако теоретические, методологические и практические вопросы разработки и применения цифровых технологий в сфере эффективной защиты населения сельских территорий России от эпидемиологических рисков чаще всего остаются за рамками изучения.

Актуализация разработки теории, методологии, технологий и стратегий устранения эпидемиологических рисков сельских территорий России на основе цифровизации обусловлена недостаточным количеством эпидемиологических служб в сельских территориях, а также их размещением, не учитывающим особенности сельских территорий с повышенными рисками инфекционных заболеваний. В структуре сельского расселения России имеются многочисленные мелкие населенные пункты, которые в условиях отсутствия эпиднадзора могут стать очагами будущих пандемий. Использование цифровых технологий в процессе деятельности по устранению эпидемиологических рисков позволит эффективно осуществлять эпиднадзор, разрабатывать и применять стратегии устранения эпидемиологических рисков на сельских территориях на уровне сельских административных районов, муниципальных поселений, а в случае необходимости - отдельных населенных пунктов. С помощью разработки и применения цифровых технологий можно добиться не только повышения эффективности планирования, регулирования, контроля над устранением эпидемиологических рисков, но и снизить финансовую составляющую системы надзорных органов управления устранением эпидемиологических рисков.

Цель исследования состоит в обосновании направлений сокращения эпидемиологических рисков на сельских территориях России посредством внедрения цифровых технологий.

Основные методы исследования - использование системного и стратегического междисциплинарного подхода; основные задачи - разработка теоретико-методологических подходов к использованию цифровых технологий в процессе устранения эпидемиологических рисков на сельских территориях России, предложение авторских рекомендаций по устранению эпидемиологических рисков на сельских территориях России на основе цифровизации. Гипотеза исследования заключается в научном предположении о том, что цифровые технологии, адаптированные к особенностям системы сельского расселения России, наряду с применением других инструментов повышения организационной устойчивости эпидемиологи-

ческого надзора, могут стать основой обеспечения эпидемиологической безопасности населения сельских территорий.

Результаты исследования.

В «Единой государственной информационной системе здравоохранения (ЕГИСЗ)» предложена структура цифрового пространства системы здравоохранения, с которой должны сопоставляться информационные региональные системы для формирования единого цифрового пространства взаимодействия между пациентами, врачами и представителями менеджмента в сфере здравоохранения [1]. Основные цели и задачи ЕГИСЗ были сформулированы в «Концепции создания единой государственной информационной системы» [2] и конкретизированы в «Паспорте национального проекта «Здравоохранение»», структура которого содержит федеральный проект «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной системы здравоохранения» [3].

Тезина Н.Н. разработала платформенный подход к цифровизации региональной системы здравоохранения на примере Новосибирской области [4]. Гомалеев А.О. произвел анализ возможностей разрешения проблем, связанных с реализацией федерального проекта «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе ЕГИСЗ» [5]. Бацина Е.А., Попсуйко А.Н., Артамонова Г.В. представили характеристику инструментов цифровизации и обосновали возможности их применения в формировании цифрового пространства системы национального здравоохранения РФ [6]. Белова Н.И., Перхов В.И., Гриднев О.В., Козырева П.Н. и Смирнов А.И. представили развернутую характеристику современного сельского здравоохранения и оценили его состояние как близкое к системному кризису [7 - 9].

Для выявления и статистического обоснования наличия территориальных зон повышенных эпидемиологических рисков на сельских территориях России на различных уровнях расселения в статье использованы статистические материалы Центрального научно-исследовательского института организации и информатизации здравоохранения [10]. Анализ процессов эпидемиологического надзора и применения стратегий устранения эпидемиологических рисков в сельских административных районах субъектов РФ проведено с использованием материалов Российского НИИ противочумного институт «Микроб» и Управления Роспотребнадзора по Саратовской области [11]. При разработке основных направлений цифровизации эпидемиологического надзора в сельских территориях с высокими эпидемиологическими рисками были использованы методические указания и другие материалы по эпидемиологическому надзору за инфекционными заболеваниями [12].

В результате проведенного исследования сформулированы положения авторского подхода к определению роли цифровизации в деятельности по устранению эпидемиологических рисков, как одного из значимых, но не единственного инструмента, используемого в процессе устранения эпидемиологических рисков. Устранение негативных факторов, определяющих наличие высоких показателей эпидемиологических рисков в территориальных зонах расселения, окажется эффективным в том случае, если наряду с цифровыми технологиями будут применяться инструменты, обеспечивающие повышение организационной устойчивости территориальных систем эпидемиологической защиты населения сельских территорий России.

Цифровизация сельского здравоохранения рассматривается как совокупность цифровых технологий, применение которых будет востребовано в качестве инструмента, помогающего обеспечить населению сельских территорий России эпидемиологическую безопасность посредством устранения эпидемиологических рисков. Под цифровым пространством устранения эпидемиологических рисков на основе цифровых технологий понимается освоенная участниками цифрового взаимодействия часть цифровых технологий, посредством которых выявляются зоны повышенного эпидемиологического риска на сельских территориях России и разрабатываются стратегии их устранения. Повышенные эпидемиологические риски являются следствием воздействия на эпидемиологическую ситуацию сельских территорий России групп негативных факторов, определяющих повышенное цифровое значение основ-

ного аналитического показателя (заболевших инфекцией на 100 тыс. населения на пике распространения инфекции).

Цифровизация здравоохранения как важный механизм, обеспечивающий повышение доступности и гарантию высокого качества медицинских услуг, может стать основой системы эпидемиологической защиты населения сельских территорий от рисков будущих пандемий. Риск дальнейшего снижения организационной устойчивости территориальных систем сельского здравоохранения усиливается в условиях низкой организации процесса возвращения сельского здравоохранения к оказанию плановой медицинской помощи населению сельских территорий России.

Изучение состояния сельского здравоохранения позволяет сделать вывод о том, что результаты цифровизации, как инструмента устранения эпидемиологических рисков на сельских территориях России, не могут оцениваться количеством цифровых программ, введенных в поле эпидемиологической защиты населения сельских территорий. В условиях организационной неустойчивости территориальных систем сельского здравоохранения необходимо, прежде всего, восстановление организаций эпидемиологической защиты населения сельских территорий, особенно в территориях с повышенными эпидемиологическими рисками - в сельских муниципальных поселениях, мелких, удаленных от центров расселения, населенных пунктах.

Необходимым этапом управления устранением эпидемиологических рисков признано выявление сельских территорий России с повышенными значениями инфекционной заболеваемости. Исследование проведено на уровне сельских территорий федеральных округов РФ и субъектов Российской Федерации на основании показателя заболевших коронавирусной инфекцией на 100 тыс. сельского населения. В Центральном федеральном округе РФ, цифровое значение которого равно 6 571,1, к числу зон с повышенным риском отнесены сельские территории Ярославской области (9014,7), Владимирской области (8990,5), Тамбовской (8772,1) и Ивановской области (8545,8). В Северо-Западном федеральном округе (6571,1 по округу в целом) в сельские территории с повышенным риском были включены: Республика Карелия (10309,4 заболевших), Республика Коми (9490,3), Архангельская область (9240,3). В Южном федеральном округе РФ (5023,7) по показателю риска лидирует Республика Калмыкия (9324,6 заболевших). Зоны сельских территорий с повышенными эпидемиологическими рисками могут быть выявлены в сельских территориях субъектов РФ в составе Федеральных округов РФ по Северо-Кавказскому, Приволжскому, Уральскому, Сибирскому и Дальневосточному Федеральному округу [10].

Выявленные в статье зоны высокого эпидемиологического риска будущих коронавирусных пандемий в сельских территориях Федеральных округов РФ и субъектов Российской Федерации позволили сделать вывод о том, что именно в этих зонах, наряду с постепенным восстановлением санитарно-эпидемиологических станций, востребовано использование наборов цифровых технологий, позволяющих частично компенсировать отсутствие эпидемиологических служб.

В Саратовской области к территориям повышенного эпидемиологического риска отнесена группа сельских административных районов на востоке области. К их числу относятся: Александрово-Гайский административный район (1876,1 заболевших коронавирусной инфекцией на 100 тыс. сельского населения), Ершовский административный район (1193,6 заболевших), Ивантеевский административный район (1151,7 заболевших) [11]. Среди сельских административных районов Саратовской области выявлены районы с минимальными эпидемиологическими рисками - Калининский район (250,2 заболевших), Екатериновский и Аркадакский районы (соответственно, 269,0 и 307,0 заболевших) [11].

Статистическое подтверждение выдвинутых в статье методологических положений о необходимости формирования стратегий устранения будущих эпидемиологических рисков, адаптированных к мелким системам сельского расселения, позволило сделать вывод о необходимости разработки контуров цифровых технологий, рассчитанных на их применение в сельских административных районах и муниципальных поселениях. Это позволит не только

существенно снизить расходную составляющую надзорных органов, но и разгрузить надзорные органы управления устранением эпидемиологических рисков в сельских территориях, передав часть их обязанностей электронным технологиям, способным обеспечить достаточно эффективный эпидемиологический надзор в сельских административных районах и муниципальных сельских поселениях.

Результаты проведенного исследования определили структуру рекомендаций по минимизации эпидемиологических рисков на сельских территориях России. Приоритетом эпидемиологического надзора и деятельности по устранению негативных факторов, определяющих высокий уровень эпидемиологического риска, должны, прежде всего, стать сельские территории России различных рангов расселения с повышенными количественными показателями эпидемиологических рисков. В цифровое поле рекомендуется включение набора цифровых технологий, характеризующих эпидемиологическую ситуацию на сельских территориях субъектов Российской Федерации. Для разработки и применения цифровых технологий необходимо формирование статистических баз на государственном, региональном, муниципальном уровне. В их структуре должны содержаться сквозные показатели эпидемиологических рисков, главным показателем которых является цифровое значение аналитического показателя заболевших отдельной инфекцией на 100 тыс. населения. Предложены рекомендации по устранению эпидемиологических рисков на сельских территориях России на основе применения цифровых технологий.

На государственном уровне рекомендуется:

- разработка и внедрение Единой государственной системы информации об эпидемиологических рисках на сельских территориях России на основе сквозных аналитических показателей, главным из которых является показатель заболевших отдельной инфекцией на 100 тыс. населения;

- разработка и внедрение региональных информационных систем выявления повышенных цифровых значений эпидемиологических рисков, в том числе - территориях сельских административных районов, а в случае необходимости – более мелких систем сельского расселения;

- включение в национальный проект программ устранения эпидемиологических рисков на основе цифровых технологий, позволяющих выявить и устранить негативные факторы (группы факторов), влияющих на повышенное цифровое значение показателей эпидемиологических рисков;

- разработка Паспорта федерального проекта создания единого цифрового контура на основе Единой государственной системы информации об эпидемиологических рисках.

Инновационным направлением формирования цифрового поля, в рамках которого может осуществляться выявление и устранение эпидемиологических рисков, может стать внедрение цифровых технологий, разработанных с помощью искусственного интеллекта. Алгоритм его разработки включает следующие основные этапы:

- разработку и применение цифровых программ, выявляющих негативные факторы, воспроизводящие и усиливающие эпидемиологические риски на сельских территориях, включенных в зону высоких рисков;

- разработку и применение в процессе анализа рисков цифровых технологий, позволяющих оценивать вероятность повышения цифровых значений основного показателя рисков в выявленных сельских территориях, расположенных в зонах высокого эпидемиологического риска;

- расчет с помощью цифровых технологий возможных последствий повышения рисков в зонах эпидемиологических рисков и интегрального ущерба от воздействия негативных факторов, повышающих цифровые значения показателя рисков на сельских территориях, расположенных в зонах риска;

- разработку и применение цифровых стратегий устранения негативных факторов (групп однонаправленных факторов), воздействующих на повышение цифровых значений

основного показателя рисков для сельских территорий с максимальными показателями эпидемиологических рисков [12].

Заключение.

Результаты предпринятого исследования позволили выявить и научно обосновать интегрированный теоретико-методологический и прикладной аспект управления минимизацией эпидемиологических рисков на сельских территориях России. На основе адаптированных к целям и задачам исследования теоретических положений системного и стратегического междисциплинарного подхода выявлены и обоснованы методологические особенности формирования цифрового пространства, обеспечивающего эффективный эпидемиологический надзор за распространением инфекционных заболеваний. Разработаны рекомендации по устранению эпидемиологических рисков на основе применения цифровых технологий.

Подтверждена гипотеза о том, что цифровые технологии, адаптированные к особенностям сельского расселения России, наряду с применением других инструментов повышения организационной устойчивости эпиднадзора, могут стать основой обеспечения эпидемиологической безопасности населения сельских территорий России, особенно в зонах повышенного риска.

Список источников

1. Постановление Правительства РФ от 5 мая 2018 года №555 «О Единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения».
2. Концепция создания единой государственной информационной системы. Приказ Минздравсоцразвития России № от 28 апреля 2011 года. – URL: <https://www.rosminzdrav.ru/documents/7200-prikaz->
3. Паспорт национального проекта «Здравоохранение». Утверждена Указом Президента РФ № 642 от 01.12.2016 г. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/uZiATIOJiq5tZsJgqcZLY9YyL8PWTXQb.pdf>.
4. Тезина Н.Н. Платформенный подход к созданию региональных медицинских информационных систем // Региональные проекты информатизации. 2020. № 10. С. 35-38.
5. Гомалеев А.О. Создание механизмов взаимодействия медицинских организаций на основе Единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ) // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 6-1. С. 79-84.
6. Бацина Е.А., Попсуйко А.Н., Артамонова Г.В. Цифровизация здравоохранения РФ: миф или реальность? // Особое мнение. 2020. №3. 2020.
7. Белова Н.И. Сельское здравоохранение: состояние, тенденции // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 98-105.
8. Перхов В.И., Гриднев О.В. Уроки пандемии COVID-19 для политики в сфере общественного здравоохранения // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2020. № 2. С. 206-221.
9. Козырева П.Н., Смирнов А.И. Проблемы медицинского обслуживания в сельской местности // Гуманитарий Юга России. 2018. Том 7. № 4. С. 33-49.
10. Сельское здравоохранение России в 2021 году (статистические материалы). М. 2022.
11. Иванова А. В., Поспелов М. В., Зимирова А. А., Карнаухов И.Г., Щербакова С.А., Кутырев В.В., Вяткин И.Н., Матвеева Н.И., Кожанова О.И. Характеристика эпидемического процесса COVID-19 в Саратовской области. 2020. – URL: <https://doi.org/10.21055/preprints-3111894>
12. Эпидемиологический метод исследования, эпидемиологическая диагностика, система эпидемиологического надзора. Методические указания. Эпидемиологический надзор за инфекционными заболеваниями. Курс лекций. Д.м.н., проф. Е.И.Архипова. 2014.

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation of May 5, 2018 No. 555 “On the Unified State Information System in the field of healthcare.”
2. The concept of creating a unified state information system. Order of the Ministry of Health and Social Development of Russia No. dated April 28, 2011. – URL: [https:// www. rosminzdrav. ru/documents/7200-prikaz](https://www.rosminzdrav.ru/documents/7200-prikaz)
3. Passport of the national project “Healthcare”. Approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 642 dated December 1, 2016 - URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/uZiATIOJiq5tZsJgqcZLY9YyL8PWTXQb.pdf>.
4. Tezina N.N. Platform approach to the creation of regional medical information systems. *Regional informatization projects*. 2020;(10):35-38. (In Russ)
5. Gomaleev A.O. Creation of mechanisms for interaction of medical organizations on the basis of the Unified State Information System in the field of healthcare (Uniform State Health Information System). *Economics and business: theory and practice*. 2019;(6-1):79-84. (In Russ)
6. Batsina E.A., Popsuiko A.N., Artamonova G.V. Digitalization of healthcare in the Russian Federation: myth or reality? *Special opinion*. 2020;(3):2020. (In Russ)
7. Belova N.I. Rural health care: state, trends. *Sociological studies*. 2017;(3):98-105. (In Russ)
8. Perkhov V.I., Gridnev O.V. Lessons from the COVID-19 pandemic for public health policy. *Modern problems of healthcare and medical statistics*. 2020;(2): 206-221. (In Russ)
9. Kozyreva P.N., Smirnov A.I. Problems of medical care in rural areas. *Humanitarian of the South of Russia*. 2018;7(4):33-49. (In Russ)
10. Rural healthcare in Russia in 2021 (statistical materials). M. 2022.
11. Ivanova A.V., Pospelov M.V., Zimirova A.A., Karnaukhov I.G., Shcherbakova S.A., Kutyrev V.V., Vyatkin I.N., Matveeva N.I., Kozhanova O.I. Characteristics of the COVID-19 epidemic process in the Saratov region. 2020. – URL: <https://doi.org/10.21055/preprints-3111894>
12. Epidemiological research method, epidemiological diagnostics, epidemiological surveillance system. Methodical instructions. *Epidemiological surveillance of infectious diseases*. Lecture course. 2014. (In Russ)

Информация об авторе

В.Н. Рубцова – доктор экономических наук

Information about the author

V.N. Rubtsova – Doctor of Economic Sciences

Статья поступила в редакцию 14.09.2023; одобрена после рецензирования 20.09.2023; принята к публикации 30.09.2023.

The article was submitted 14.09.2023; approved after reviewing 20.09.2023; accepted for publication 30.09.2023.

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2023. № 3. С. 35-42.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2023;(3): 35-42.

Научная статья
УДК 316.44

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И БЮДЖЕТЫ ВРЕМЕНИ НАИБОЛЕЕ УЯЗВИМЫХ ПЕРЕД БЕДНОСТЬЮ ГРУПП СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Виктор Леннарович Шабанов

Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», г. Саратов, Россия, vic35@inbox.ru

Аннотация. *Качество жизни анализируется через соотношение компонентов в структуре суточных затрат времени, отражающих деятельность населения в сферах труда, быта, досуга, восстановления, воспитания детей. Рост качества жизни связывается с увеличением затрат времени на досуг и восстановление при снижении затрат времени на организацию быта, а также с увеличением продолжительности трудовой занятости, сопровождаемой ростом дохода.*

Показано изменение качества жизни молодых сельских семей в зависимости от числа детей в них. Установлено, что наиболее существенно на качество жизни влияет появление первого ребенка. Выявлены различия в структурах суточного бюджета времени сельских семей, представляющих средневозрастную группу 25-50 летних, наиболее уязвимых перед бедностью (неполных, с детьми, многодетных).

Ключевые слова: *качество жизни, бедность, бюджеты времени, структура бюджетов времени по видам деятельности, домохозяйство, молодые семьи, неполные семьи, семьи с детьми, многодетные семьи.*

Для цитирования: *Шабанов В.Л. Качество жизни и бюджеты времени наиболее уязвимых перед бедностью групп сельского населения // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2023. № 3. С 35-42.*

Original article

LIFE QUALITY AND TIME BUDGETS OF THE MOST VULNERABLE TO POVERTY GROUPS OF THE RURAL POPULATION

Viktor L. Shabanov

Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia, vic35@inbox.ru

Abstract: *Life quality is analyzed through the ratio of components in the structure of daily time spent, reflecting the activities of the population in the areas of work, everyday life, leisure, recovery, and raising children. An increase in the quality of life is associated with an increase in time spent on leisure and recovery, with a decrease in time spent on organizing everyday life, as well as an increase in the duration of employment, accompanied by an increase in income.*

The change in the quality of life of young rural families depending on the number of children in them is shown. It has been established that the birth of the first child has the most significant impact on the quality of life. Differences have been identified in the structures of the daily time budget of rural families, representing the middle age group of 25-50 years old, the most vulnerable to poverty (single-parents, with children, large families).

Key words: *quality of life, poverty, time budgets, structure of time budgets by activity type, household, young families, single-parent families, families with children, large families.*

For citation: *Shabanov V.L. Life quality and time budgets of the most vulnerable to poverty groups of the rural population. Regional agrosystems: economics and sociology. 2023;(3): 35-42. (In Russ)*

Введение.

Категория «качество жизни» стала широко употребляться в науке с середины 1960-х гг. как расширение понятия «уровень жизни» немонетарными характеристиками, отражающими условия жизни, возможности в сферах занятости, социальной мобильности и др. [1] Качество жизни, как и уровень жизни, является оценочной категорией, нацеленной на то, чтобы определить положение индивида на некоторой шкале.

Сложность новой категории и неоднозначность ее интерпретации приводят к появлению большого числа подходов к ее формализации [2]. В настоящее время во многих странах мира разработаны интегральные индексы качества жизни [3; 4]. Каждый из них агрегирует в рамках единого интегрального показателя различные аспекты качества жизни (материальный, социальный, эмоциональный, личностный и др.), выраженные социально-экономическими показателями. Статистика затрат времени обычно используется для анализа уклада или образа жизни [5]. Однако инструментарий бюджетов времени может найти применение и в исследованиях качества жизни.

Целью настоящего исследования является оценка качества жизни наиболее уязвимых перед бедностью социально-демографических групп сельского населения посредством инструментария бюджетов времени.

Методика исследования.

В современной России бюджетные обследования времени проводятся Росстатом с 2014 года с интервалом в 5 лет. На сегодняшний день актуальными являются материалы обследования 2019 г. – выборочного наблюдения «Использование суточного фонда времени населением» [6]. Оно проводилось на базе выборки объемом 45 тыс. домохозяйств и 152,5 тыс. индивидов старше 10 лет, заполняющих основной дневник использования времени, которая обеспечивает представительность итогов наблюдения по РФ в целом, по городской и сельской местности, по субъектам РФ и по основным демографическим и социально-экономическим группам [7]. Затраты времени фиксируются респондентами по 166 видам деятельности с точностью до 10 минут. Дневниковые записи по затратам времени, а также разноплановая информация о домохозяйствах и индивидах, включающая их социально-демографические характеристики, составляют базу данных обследования. Похозяйственные и индивидуальные данные из этой базы используются в настоящем исследовании для расчетов и анализа.

Группировка видов деятельности, выделенных в статистическом наблюдении Росстата, в настоящем исследовании осуществлялась с учетом принципа обеспечения потребностей индивида в сферах труда, быта, досуга, воспитания детей, физического восстановления. Некоторые виды деятельности (передвижение, обучение, волонтерство и др.) не были отнесены ни к какой категории и рассматривались отдельно. В состав категории «труд» были включены все виды деятельности вне и в пределах домохозяйства, обеспечивающие получение денежного дохода. В категорию «быт» входят: ведение домашнего хозяйства, приготовление пищи, уборка помещений, стирка, уход за больными и т.п. Категория «воспитание детей» включает: присмотр за детьми, уход, обучение и т.п., категория «досуг» – активный и пассивный отдых, общение, реализацию интересов, чтение и т.п., категория «восстановление» – прием пищи, сон, уход за собой, гигиену. Проведенная группировка позволяет анализировать

затраты времени различных социально-демографических групп населения по укрупненным направлениям деятельности и интерпретировать складывающиеся балансы как определенные позиции на вертикально упорядоченной шкале, измеряющей качество жизни.

Результаты исследования.

Анализ социально-демографической статистики РФ показывает, что рост числа детей в домохозяйстве сопровождается снижением его среднедушевого дохода и увеличением риска бедности [8]. Наибольшему риску попадания в категорию бедных подвержены многодетные семьи с числом детей три и более. Аналогичная статистика бюджетного обследования времени 2019 г. по молодым семьям, позволяющая исключить влияние на качество жизни других социально-демографических факторов (например, наличия в семье пенсионеров с гарантированным доходом, которые могут заниматься с детьми, высвобождая время родителей на работу или другие виды деятельности), подтверждают эту закономерность (табл. 1).

Таблица 1 – Среднедушевой месячный доход семей (домохозяйств), включающих супругов 25-34 лет и их детей, 2019 г., тыс. руб.

Группы семей (домохозяйств) в составе	Среднедушевой доход, тыс. руб. в месяц
Одиночки 25-34 лет	35,7
двух супругов 25-34 лет	29,4
двух супругов 25-34 лет и одного ребенка	18,2
двух супругов 25-34 лет и двоих детей	12,0
двух супругов 25-34 лет и троих и более детей	8,4

Среднедушевой доход домохозяйства, независимо от демографического статуса, в целом по выборке используемого бюджетного обследования времени составлял 17,2 тыс. руб. в месяц и примерно соответствовал среднедушевому доходу молодой семьи с одним ребенком. Величина прожиточного минимума в 2019 г. (году проведения обследования) составляла 11,7 тыс. руб. в месяц для населения трудоспособного возраста и 10,7 тыс. руб. в месяц для детей. Согласно данным таблицы 1, среднедушевой доход домохозяйств одиночек 24-35 лет или молодых супругов без детей из состава выборочной совокупности рассматриваемого обследования был заметно выше, а многодетных семей – ниже черты бедности.

Рассмотрим, как менялась структура бюджета времени взрослых членов выделенных групп домохозяйств при росте числа детей и снижении среднедушевых доходов (табл. 2).

Таблица 2 – Затраты времени на обобщенные категории деятельности выделенных групп домохозяйств (часов-минут)

Группы семей (домохозяйств) в составе	Труд	Быт	Досуг	Воспитание детей	Восстановление	Прочее
Будни						
Одиночки 25-34 лет	7-24	1-33	2-39	0-00	10-50	1-34
двух супругов 25-34 лет	7-10	1-29	2-42	0-00	11-12	1-30
двух супругов 25-34 лет и одного ребенка	6-06	2-22	2-02	1-46	10-42	1-02
двух супругов 25-34 лет и двоих детей	5-23	3-04	1-53	2-11	10-35	0-54
двух супругов 25-34 лет и троих и более детей	4-18	3-56	1-57	2-38	10-28	0-43
Выходные						
Одиночки 25-34 лет	0-56	3-31	6-03	0-00	13-00	0-29
двух супругов 25-34 лет	0-42	3-28	6-06	0-00	13-24	0-20
двух супругов 25-34 лет и одного ребенка	0-40	3-56	4-37	1-57	12-37	0-13
двух супругов 25-34 лет и двоих детей	0-35	4-26	4-03	2-19	12-25	0-12
двух супругов 25-34 лет и троих и более детей	0-45	4-49	3-34	2-35	12-06	0-11

Очевидно, что структура бюджета времени слабо различается у одиночек и супругов без детей. Ее заметные изменения начинаются после появления в молодой семье первого ребенка: происходит скачок в образе жизни, характеризуемый перераспределением времени между трудом и досугом, с одной стороны, и бытом и воспитанием детей, с другой. Время, отводимое на труд в будние дни, снижается на 14%, на досуг – на 25%, на быт возрастает

почти на 60%, на воспитание детей – с 0 до 1 ч. 46 мин. Очевидно, подобные изменения структуры бюджета времени отражают ситуацию снижения качества жизни.

Появление второго и последующих детей меняют структуру бюджета времени молодых родителей не так сильно: только затраты времени на труд продолжают снижаться ускоренным темпом – на 12 и 20%, отражая снижение возможности совмещать работу и детей; на быт и воспитание детей затраты времени растут медленнее – соответственно на 29-30% и на 20-25%. Затраты времени на досуг снижаются на 6% при появлении второго ребенка и возрастают на 3% при появлении последующих. Время, отводимое на физиологическое восстановление, меняется незначительно. Таким образом, наиболее существенно на качестве жизни сказывается появление первого ребенка, при появлении последующих качество жизни семьи меняются медленнее.

В выходные дни время трудовой занятости не превышает одного часа в сутки и относится в основном к тем, кто работает по скользящему графику. В выходные по сравнению с буднями затраты времени на остальные категории возрастают на 7-135%, в том числе в наибольшей степени – на досуг (на 82-128% в зависимости от размера домохозяйства), а в наименьшей – на воспитание детей (на 6-11% и снижается у многодетных). Слабая зависимость времени, отводимого на воспитание детей, от дня недели подтверждает, что воспитание в значительной степени возложено на неработающих или частично работающих членов семьи. Таким образом, в выходные дни рабочее время перераспределяется – по нисходящей – между досугом, бытом и физическим восстановлением. Выходные воспринимаются домохозяйствами, независимо от числа детей, прежде всего, как возможность отдыха и лишь затем – как дополнительное время для выполнения накопившихся за неделю домашних дел.

Для села характерны более низкое, чем в городе, качество жизни по большинству монетарных и немонетарных признаков и повышенный риск бедности. Проблемы качества жизни социально-демографических групп семей, наиболее уязвимых перед бедностью – имеющих детей, многодетных, неполных, с неработающими взрослыми в активном трудоспособном возрасте, – в сельской местности проявляются наиболее остро [9]. Проанализируем структуры бюджетов времени перечисленных групп сельских семей и свяжем их с качеством жизни.

Применительно к сельской подвыборке бюджетного обследования времени выделим в отдельные категории «Производство товаров и услуг в домохозяйстве на продажу» и «Производство продукции в домохозяйстве для конечного потребления», что позволит оценить роль данных видов деятельности в сельском образе жизни и в определении сельского качества жизни.

Прежде всего, отметим, что затраты времени на такие обобщенные виды деятельности, как труд, с одной стороны, и самообеспечение, быт, досуг, восстановление, с другой, связаны значимыми обратными зависимостями (с корреляциями -0,23, -0,30, -0,40, -0,44 по сельской выборке). Это показывает, что наиболее общие виды деятельности для среднего сельского домохозяйства являются альтернативными, предполагающими необходимость перераспределения времени именно между ними в процессе организации жизни – то есть рабочее время обычно увеличивают за счет досуга, сна или домашних дел, а не за счет, например, воспитания детей или ведения товарного приусадебного хозяйства. Также в целом не получается увеличить досуг за счет быта, сна или деятельности в ЛПХ и т.д. Стоит отметить, что затраты времени на трудовую занятость и воспитание детей не связаны зависимостью, в том числе отрицательной, как можно было бы ожидать исходя из распространенного стереотипа. То есть оба вида деятельности для сельского индивида неальтернативны и совмещаются им, либо они делаются разными членами семьи в режиме внутрисемейного разделения обязанностей.

Материалы используемого бюджетного обследования времени, как и данные обследований, связанных с монетарными бюджетами домохозяйств, показывают повышенный риск бедности выделенных четырех групп семей (табл. 3).

Таблица 3 – Удельный вес некоторых социально-демографических групп в структуре бедных и небедных сельских домохозяйств, %

Группы домохозяйств	Бедные домохозяйства	Небедные домохозяйства
Домохозяйства одиночек	10,3	27,0
Супружеские пары без детей	16,8	30,1
Супружеские пары с детьми	22,7	17,6
Многодетные семьи	8,4	4,7
Неполные семьи	12,9	7,4
Семьи с неработающими взрослыми 25-50 лет	33,7	13,9

Примечание: представленные в таблице домохозяйств могут пересекаться (например, многодетные семьи входят в состав группы «Супружеские пары с детьми», среди неполных семей есть многодетные, неработающие взрослые встречаются во всех группах), поэтому сумма процентов по каждой категории домохозяйств превышает 100 %.

Относительно низкая уязвимость перед бедностью домохозяйств одиночек и супружеских пар без детей объясняется их составом – в основном это лица старших возрастов (средний возраст, соответственно, 64 и 61 год), получающие пенсию. Бедными в этих группах чаще всего оказываются немногочисленные их более молодые представители, не имеющие гарантированного дохода. Одиночки, как бедные, так и небедные, выделяются высокими затратами времени на организацию быта (в среднем от 3 ч в будни до 3,5 ч в выходные) и на проведение досуга (4,3-5,3 ч). Для супружеских пар без детей, независимо от статуса бедности, характерны наиболее высокие среди всех рассматриваемых групп затраты времени на деятельность по обеспечению семейного потребления – от 2 ч в будни до 3,2 ч в выходные, более чем на 1 час больше, чем в среднем по выборке. Они в большей степени занимаются садом-огородом, консервированием и другими подобными видами деятельности, которые для многих мотивированы помощью детям, живущим отдельно, возможно, в городе.

Очевидно, качество жизни большинства семей существенно зависит от трудовой активности представителей возрастной группы 25-50 лет: средняя продолжительность рабочего времени у бедных и небедных в этой группе различается сильнее, чем у других – более чем в 1,5 раза, а трудовая деятельность в домашнем хозяйстве, ориентированная на рынок (неформальная самозанятость, в основном производство продуктов питания в ЛПХ на продажу), различается слабо и является наиболее длительной (в будни) среди всех других рассматриваемых групп, достигая 1,2-1,5 ч в будни (табл. 4, 5). То есть сельское население 25-50 лет, независимо от наличия официальной работы, старается активно использовать все возможности заработка. Однако дальнейшего роста самозанятости, логичного при отсутствии работы и попадании в категорию бедных, не происходит. По-видимому, возникают естественные для среднего сельского домохозяйства пределы товарного производства в ЛПХ и получаемого с него денежного дохода. Неформальная самозанятость не становится адекватной заменой официальной работе. Перераспределение времени у 25-50-летних малоимущих происходит, главным образом, от трудовой занятости к деятельности в домохозяйстве, связанной с самообеспечением – с тем же производством в ЛПХ, но ориентированным на семейное потребление, – а также, особенно в будни, к практикам в сфере быта и досуга (табл. 4).

По сравнению с базовой группой 25-50-летних в целом по выборке суточные бюджеты времени представителей этой группы в семьях с детьми, в многодетных и в неполных семьях различаются ожидаемым перераспределением времени от большинства позиций к деятельности по воспитанию детей. Для 25-50-летних из неполных семей, наряду с резким увеличением затрат времени на воспитание детей (в 1,6-1,8 раз), происходит также их увеличение на практики быта (на 16-26%) за счет сокращения времени, отводимого на досуг и самообеспечение (на 13-38%). Проблема неполных семей – в ограниченных человеческих ресурсах и необходимости одному взрослому совмещать разные виды деятельности в большей степени, чем в других категориях семей. По этой причине, в частности, неполные семьи характеризуются высокой продолжительностью трудовой занятости, которая у малоимущих достигает 3,5 ч в будни, но при этом оказывается недостаточной для преодоления бедности, требующего увеличения рабочего времени еще на 26% (до 4,9 ч). У других категорий семей имеется

больше возможностей перераспределения обязанностей между взрослыми членами семьи (табл. 4, 5).

Таблица 4 – Распределение бюджета времени лицами 25-50 лет в целом по выборке и в неполных семьях, часов-минут

Виды деятельности	В целом по выборке				Неполные семьи			
	Бедные		Небедные		Бедные		Небедные	
	Будни	Выходные	Будни	Выходные	Будни	Выходные	Будни	Выходные
Работа (трудовая занятость)	3-11	0-23	5-12	0-36	3-35	0-18	4-52	0-31
Производство товаров и услуг в домохозяйстве на продажу	1-26	0-28	1-11	0-16	1-13	0-13	1-11	0-16
Производство продукции в домохозяйстве для конечного потребления	1-14	2-14	0-38	1-46	0-46	1-38	0-24	1-06
Быт	2-21	3-12	1-55	3-24	2-43	4-02	2-15	3-56
Воспитание детей	1-09	1-04	1-01	0-58	1-54	1-44	1-51	1-43
Досуг	2-50	4-13	2-11	4-10	2-18	3-31	1-45	3-39
Восстановление	10-40	11-50	10-24	12-02	10-23	11-56	10-15	12-03
Прочее	1-08	0-37	1-28	0-48	1-07	0-38	1-27	0-45

Наиболее сильно от базовой группы отличаются бюджеты времени 25-50-летних из многодетных семей, не являющихся бедными. В будни у них значительно возрастают не только затраты времени на воспитание детей (в 2,3 раза), но и на организацию быта (на 39%), при этом на 31% снижается продолжительность трудовой занятости. Такое перераспределение времени от оплачиваемой работы к другим видам деятельности у небедных многодетных сельских семей возможно при наличии некоторого «запаса прочности» в виде более высокой оплаты труда или, чаще, наличия дополнительных источников дохода в виде пенсий, пособий и др. (табл. 5).

Таблица 5 – Распределение бюджета времени лицами 25-50 лет в семьях с детьми и в многодетных семьях, часов-минут

Виды деятельности	Семьи с детьми				Многодетные семьи			
	Бедные		Небедные		Бедные		Небедные	
	Будни	Выходные	Будни	Выходные	Будни	Выходные	Будни	Выходные
Работа (трудовая занятость)	3-40	0-27	5-03	0-33	2-55	0-49	3-36	0-37
Производство товаров и услуг в домохозяйстве на продажу	1-15	0-29	1-08	0-16	1-15	0-29	1-07	0-24
Производство продукции в домохозяйстве для конечного потребления	1-04	2-07	0-32	1-40	1-08	2-08	0-42	1-37
Быт	2-15	3-03	1-58	3-18	2-45	3-22	2-40	3-33
Воспитание детей	1-51	1-43	1-30	1-22	2-03	1-56	2-21	2-04
Досуг	2-22	3-52	2-04	4-05	2-32	3-11	2-08	3-29
Восстановление	10-27	11-44	10-23	12-02	10-24	11-33	10-22	11-39
Прочее	1-07	0-35	1-22	0-45	0-58	0-31	1-04	0-38

Заключение.

Положение неполных семей и семей с детьми, представляющих сельское население в активном трудоспособном возрасте 25-50 лет, уязвимо перед бедностью из-за трудностей нахождения адекватной работы и необходимости совмещать несколько видов деятельности в ущерб трудовой занятости и досугу. Качество жизни сельских домохозяйств существенно зависит от активности 25-50-летних не только в сфере трудовой занятости, но и в малом биз-

несе, в самозанятости. Снижение сельской бедности находит отражение в росте сбалансированности бюджета времени в данной группе, который достигается уменьшением продолжительности видов деятельности по продовольственному самообеспечению и организации быта. Сельская бедность опасна быстрым привыканием к образу жизни с ведением полунатурального хозяйства, обеспечивающего выживание в условиях отсутствия работы, но не развитие.

Список источников

1. Бобков В.Н. Бедность, уровень и качество жизни: методология анализа и механизмы реализации // *Уровень жизни населения регионов России*. 2005. № 1. С. 7-20.
2. Головин А.А. Место и роль категории «качество жизни» в характеристике общества: исторический контекст и современное состояние // *Уровень жизни населения регионов России*. 2022. Том 18. №2. С.259-271.
3. Кислицына О.А. Измерение качества жизни / благополучия: международный опыт. – М.: Институт экономики РАН, 2016. – 65 с.
4. Жеребин В.М., Романов А.Н. Качество жизни населения в контексте международных сопоставлений // *Экономика. Налоги. Право*. 2013. № 6. С.86-93.
5. Караханова Т.М. Российская повседневность в показателях использования времени (1965-2014 гг.) // *Россия реформирующаяся*. 2016. № 14. С.172-200.
6. Выборочное наблюдение использования суточного времени населением. 2019. - URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond19/index.html
7. Приказ «Об утверждении Основных методологических и организационных положений Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением» - URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond19/Files/Приказ%20№%2020%2022.01.2019_Оргметы.pdf.
8. Шабанов В.Л. Структурные особенности сельской бедности и способы ее преодоления // *Региональные агросистемы: экономика и социология*. 2020. № 4. С. 83-89.
9. Шабанов В.Л. Экономико-статистические факторы монетарной бедности городских и сельских домашних хозяйств в РФ // *Региональные агросистемы: экономика и социология*. 2021. №1. С.70-76.

References

1. Bobkov V.N. Poverty, level and quality of life: methodology of analysis and mechanisms of implementation. *Standard of living of the population of the regions of Russia*. 2005; (1): pp. 7-20. (In Russ)
2. Golovin A.A. The place and role of the category "quality of life" in the characteristics of society: historical context and current state. *Standard of living of the population of the regions of Russia*. 2022;18(2):259-271. (In Russ)
3. Kislitsyna O.A. Measuring the quality of life / well-being: international experience. 2016: 65. (In Russ)
4. Zherebin V.M., Romanov A.N. The quality of life of the population in the context of international comparisons. *Economy. Taxes. Right*. 2013;(6):86-93. (In Russ)
5. Karakhanova T.M. Russian everyday life in indicators of time use (1965-2014). *Russia reforming*. 2016;(14):172 200. (In Russ)
6. Selective observation of the use of daily time by the population. 2019. - URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond19/index.html
7. The Order "On approval of the Main methodological and organizational provisions for Selective monitoring of the use of the daily time fund by the population" - URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond19/Files/Order %20 No.%2020% 2022. 01. 2019 _ Orgmet.pdf.
8. Shabanov V.L. Structural features of rural poverty and ways to overcome it. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2020;(4):83-89. (In Russ)

9. Shabanov V.L. Economic and statistical factors of monetary poverty of urban and rural households in the Russian Federation. *Regional agricultural systems: economics and sociology*. 2021;(1):70-76. (In Russ)

Информация об авторе

В.Л. Шабанов – доктор социологических наук

Information about the author

V.L. Shabanov – Doctor of Sociological Sciences.

*Статья поступила в редакцию 01.09.2023; одобрена после рецензирования 15.09.2023;
принята к публикации 30.09.2023.*

*The article was submitted 01.09.2023; approved after reviewing 15.09.2023;
accepted for publication 30.09.2023.*

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2023. № 3. С. 43-50.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2023;(31): 43-50.

Научная статья
УДК 316.44

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ

Петр Панфилович Великий

Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», г. Саратов, Россия, iagpran@mail.ru

***Аннотация.** Деревня в пореформенное время начала XXI вв. испытывает вызовы в структуре хозяйствования и инновационных технологических изменений в аграрном производстве: возрастает доля неаграрной занятости сельского населения, меняются смыслы и стиль его жизни. Социологическое осмысление этих процессов в условиях столкновения инновационных и архаичных моделей существования деревни вызывает необходимость обращения к фундаментальным понятиям: комплексности, рациональности, смыслам, которые рассматриваются в статье. Автор, опираясь на данные собственных социологических исследований, показывает возможности их операционализации.*

***Ключевые слова:** сельские сообщества, связи и отношения, комплексность, присоединительная способность, высокоизбирательная сопряженность элементов, рациональность, социально-демографическая структура.*

***Для цитирования:** Великий П.П. Вопросы методологии изучения жизненного пространства современной деревни // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2023. № 3. С. 43-50.*

Original article

ISSUES OF METHODOLOGY FOR STUDYING THE LIVING SPACE OF A MODERN VILLAGE

Petr P. Veliky

Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia, iagpran@mail.ru

***Abstract.** Village in post-reform times at the beginning of the 21st century experienced challenges in the economic structure and innovative technological changes in agricultural production: the share of non-agricultural employment of the rural population is increasing, the meanings and style of their life are changing. Sociological understanding of these processes in the context of a collision between innovative and archaic models of village existence necessitates turning to fundamental concepts: complexity, rationality, meaning, which are discussed in the*

article. The author, based on the data of his own sociological research, shows the possibilities of their operationalization.

Key words: rural communities, connections and relationships, complexity, connecting capacity, highly selective conjugation of elements, rationality, social and demographic structure.

For citation: Veliky P.P. Issues of methodology for studying the living space of a modern village. *Regional agrosystems: economics and sociology*. 2023;(3):43-50. (In Russ)

Введение.

Для российской деревни начало 1990 годов стало переломным временем (от устоявшейся повседневности к новациям), полным драматических неожиданностей. Занятость, каналы поступления средств для жизни, перспектива мобильности, способы проведения свободного времени – все это потеряло опривыченные правила воспроизводства.

Институализация аграрной реформы, проводимая государством, в силу новизны этой общественной операции не могла учесть все проблемы стыковки аграрного сектора с другими секторами, не была проведена земельная реформа, переоценен рыночно-ориентированный потенциал большинства сельских жителей.

В реальной жизни формальные и неформальные правила поведения акторов новых укладов во многих случаях создали симбиозные формы хозяйственной и социальной жизни [1]. Этому способствовали институциональные изъяны аграрной реформы и организационные меры государства по поддержке убыточных сельскохозяйственных предприятий корпоративного уклада. В субсидировании приобретения горюче-смазочных материалов, семян, техники существовала неоправданная привилегированность одних укладов перед другими. Этот порядок ограничивал доступ к ресурсам, как убыточным сельскохозяйственным организациям, так и фермерским хозяйствам. Личные подсобные хозяйства были полностью исключены из числа тех, кто имел право на поддержку государства.

К настоящему времени эти недостатки, присущие АПК на начальном этапе аграрной реформы, устранены; но они нанесли немалый урон потенциалу села и с трудом укладывались в схемы восходящего развития, которые ожидали практики и обдумывали представители социологии и экономики. Впрочем, дело не только в концепциях подхода к аграрному сектору и принимаемым организационным мерам его поддержки. Новые поколения, появившиеся в постсоветские годы, изменяются на ментальном уровне, и деревня не является исключением. В смысл и стиль жизни входят новые ценности «хорошей семейной жизни», меняется этос трудовой занятости. Это те вопросы, которые имеют ключевое общенациональное значение, поэтому социологи уже более трех десятилетий сосредоточены на исследованиях, которые должны были дать рекомендации по широкому кругу жизнедеятельности разных групп сельских жителей.

Многие ученые восприняли аграрную реформу как достаточную операцию для реанимации всех сторон жизни деревни. Ведь появляется самостоятельный и подлинный хозяин земли, который по-настоящему будет заботиться об эффективности труда и получении высоких результатов, что со временем продемонстрировали новые уклады – корпоративно-долевой и фермерский, хотя оставалось немало субъектов убыточного хозяйствования, которым государство пыталось помогать восстановиться. Однако эта помощь не могла действительно повлиять на общее состояние деревни, поскольку она была избирательной, в основном направленной на сохранение главной функции аграрного сектора – создание продуктов питания в нужном количестве.

В ситуации угрозы усиления темпов обезлюдения деревни аграрная социология должна была ответить на вопросы: «что способствует «склеиванию» состава сельских поселений, и что в настоящее время дает противоположные результаты».

Российское село в девяностых годах XX века и начале нулевых годов XXI века, несмотря на миграцию по оттоку, было достаточно многолюдным. Отношения в местах обитания (отдельных селах) в смыслах поддержки, сплоченности и взаимной ответственности

поддерживались нормами коллективного труда, семейными, соседскими и другими факторами. Устойчивость их определялась многолетними практиками пребывания людей в коллективистски организованных формах повседневности, которые поддерживались народным этосом, нормами права и идеологией. Именно в связке этих элементов сельская семья и отдельный индивид могли прогнозировать свое будущее. Например, поступая в аграрный вуз или техникум, молодой человек не сомневался, что по окончании будет работать по специальности. Ценность профессии в аграрном производстве советского времени была высокой. В пореформенное время массовый переход сельскохозяйственного производства на растениеводство и резкое сокращение животноводства привело к тому, что большие трудовые коллективы стали излишними. С объемом работ по выращиванию зерновых в ООО легко справляется группа работников, равная по численности одной-двум бригадам колхоза или совхоза. Еще меньше работников нужно средним фермерам, а специалист-технолог, по их представлениям, фигура излишняя: есть свой опыт, инструкция, Интернет.

Таким образом, прокладывание жизненных путей сельских сообществ целиком ориентировано на личный потенциал индивида. Для одних - это место в поле установившегося порядка в локальном месте обитания: быть принятым на работу в ООО или фермером, или, занимаясь только ЛПХ, ждать, когда появится какая-нибудь вакансия. Для других - поиск канала обеспечения достатка за пределами «своего» сельскохозяйственного предприятия, ведя ЛПХ товарного типа или используя форму традиционного крестьянского трудового (неземледельческого) отходничества, названного нами «неотходничеством» [2]. В новых условиях оно приобрело специфические черты: круглогодичный режим, отъезд из села на длительное время, когда увеличивается объем сельскохозяйственной работы.

Результаты исследования.

Переход жизненного пространства деревни в новую ситуацию обострило проблему регулирования разных сторон жизни населения. В селах продолжают происходить репродукционные круги, возвращающие ситуацию в динамике демографической и социально-профессиональной структуры к исходному уровню. В этой связи следует обратить внимание на ряд известных понятий, таких, как: комплексность, рациональность и другие, широко используемые на практике. Они тесно связаны между собой. Считается, что чем полнее сложный социальный объект отвечает их сути, тем лучше перспектива его развития. Это действительно так, но остаются вопросы понимания их сути и особенностей в контексте глобальных и локальных перемен современной реальности.

Комплексность — это понятие, предполагающее единство многообразия положения дел в системе или единство некоторого множества элементов и отношений. Комплексность выше и полнее, когда охватывается больше элементов и чем глубже отношения, которые связывают их. Хотя их можно подсчитать в целях измерения, но они качественно различны, т. е. возможно включение в комплексность нестабильных элементов. Увеличение числа элементов при возрастании системы ведет к многомерности, когда трудно понять, что больше всего влияет на саморазвитие объекта наблюдения. Поэтому необходимо обратить внимание еще и на понятия: «присоединительная способность элементов» и «высоко избирательную сопряженность элементов».

Попытаемся операционализировать эти понятия на примере социохозяйственной системы, включающей локальное поселение и семьи, хозяйственную организацию (ООО и фермерское хозяйство), социальные учреждения (культуры, образования, здравоохранения). Присоединительную способность элемента системы нужно рассматривать с позиции наиболее общих критериев комплексности и рациональности. Сплоченность, солидарность, взаимодействие всех акторов социохозяйственной общности на общие цели развития можно считать высшими критериями рациональности. Однако на пути реализации их на практике много «ловушек». Во-первых, торможение непреднамеренными действиями членов сообщества, реализующими свои интересы. В итоге уменьшаются масштабы самостоятельного хозяйствования членов сельского сообщества, а его ресурсы концентрируют-

ся в руках узкого круга лиц. Присоединительная способность фермера более низка по сравнению с корпоративно-долевыми организациями. Во-вторых, возникают проблемы из-за внешних воздействий разных хозяйствующих субъектов, которые реализуют свои интересы, слабо учитывая или игнорируя потребности сельских сообществ, что демонстрируют агрохолдинги, горнодобывающие организации и ведомства, рассматривающие рациональность жизнеустройства сельского населения с позиции экономической оптимизации.

Сегодня, за исключением редких примеров, трудно найти аграрные социохозяйственные системы, где все элементы действовали бы слаженно. Высокоизбирательная сопряженность присуща зависимости получения дохода от агропродукта и состоянием (климатическим, природным) репродукционного годового круга. Слабой присоединительной способностью обладает потребность в воспроизводстве кадров сельского хозяйства и социально-демографический состав современной деревни. Причины «непреодолимых» границ между одной группой элементов — производственной, и другой — человеческой — известны: младшее поколение, вступающее в жизнь, не видит в деревне перспектив реализации своих жизненных устремлений и планов. Это — острая национальная проблема, драматичная с позиции будущего. Поэтому заполнение опустевших территорий населением и стратегическое управление развитием села можно отнести к связи высокоизбирательной сопряженности. Нужны некие действия государства, чтобы началось более активное самодвижение людей в деревню. В этой связи предложение освободить горожан, переселившихся в деревню, от всех налогов, не кажутся наивными. Часть из них может укорениться, найти какое-нибудь дело, решить вопросы жизнеобеспечения. Сегодня на селе распространены практики — иметь на подворье 3-5 коров или ни одной. Первые — небольшая группа (10-12% от числа домохозяйств), вторые — большинство, объясняющее такое положение тем, что большое подворье трудно содержать физически, а также отсутствием выгоды.

Итак, комплексность — это не только наличие множества элементов, обеспечивающих слаженность и согласованность внутри объекта, в нашем случае — социохозяйственной организации, но и выделение основных элементов, скрепляющих все остальные. Практика проведения аграрной реформы показывает, что с этих позиций комплексность не рассматривалась.

Немаловажным вопросом остается методология анализа сельских реалий во временном аспекте. Мы исходим из посылки необходимости рассматривать процесс жизнедеятельности сельского населения в долговременной перспективе и ретроспективе, увязывая их в комплексный единый узел, не пропуская факторы, которые будут актуальны в будущем. Для этого применим подход с позиции временных репродукционных кругов. Деревня с привязкой ее жизнедеятельности к природным циклам, несомненно, подходит наиболее удачно к такой постановке. Традиционно, сельские жители четко придерживались правила: сеять весной, убирать поля осенью, а свадьбы справлять в середине зимы. Можно говорить о малых и больших репродукционных кругах. Взяв для сопоставления некий рубеж (чаще всего конец года), можно увидеть, произошли ли позитивные изменения, либо ситуация возвратилась к начальному состоянию или стала еще хуже. Более сложны измерения в жизни села, если берутся воспроизводственные круги больших временных сроков. Сложность такого анализа связана не только с тем, что данные статистики не полны (часто меняется набор показателей), но и в том, что они по определению не могут дать полноту информации, учитывая, что формулирование исследовательских гипотез дело авторское. Как малые, так и большие репродукционные круги — неотъемлемая составляющая управленческих действий, однако, не всегда удается объяснить во всей полноте влияние внешних и внутренних факторов. Особенно сложно зафиксировать и ввести комплексно в картину сельского жизненного мира социоструктурные и духовные элементы.

Сегодня в социологии существует точка зрения, что самовоспроизводство активной деятельности повседневности жителей деревни может начинаться за счет влияния мигран-

тов - горожан, связывающих свою жизнь с проживанием в двух домах (городском и сельском). Небольшая часть интеллигенции Москвы, в основном ученые, преподаватели вузов пенсионного и близкого к нему возраста приобрели брошенные дома в деревнях Русского Севера (Костромской области), в благоустройстве которых приняли участие и остатки местного населения. Хотя такая самодеятельность полезна, но она не может серьезно повлиять на обезлюдение сельской местности. Главная причина в том, что горожане, поселившиеся в деревне, подходящей для себя работы здесь не найдут. Источником их жизнеобеспечения остается город. Хотя сам этот факт удачно использован Н.Е. Покровским для разработки идеи клеточной глобализации, которую он экспериментально проверял в одном из сельских районов Костромской области [3].

Тем не менее, нахождение основ комплексности нужно искать в самой сельской реальности. Известно, что после бурь, гроз, наводнений и землетрясений природа способна восстанавливаться сама, без помощи людей. Это явление в биологической науке названо аутопойезисом (куколка становится все более крупной, но небеспредельно, а превращается в бабочку) [4]. Можно привести пример и из социальной жизни: в первые годы советской власти колхозники из подручных материалов строили кирпичный заводик, а из полученных кирпичей – более крупный кирпичный завод, а из его продукции - ферму, клуб и другие объекты. Сюда можно отнести такую систему, как язык. Именно в нем в процессе коммуникации происходит отбор представлений, которые воплощаются в концепциях, планах, деятельности, дают и материальные результаты.

В наше время можно найти множество ресурсов (материальных и нематериальных), которые могут восстановить комплексность сельской жизни. Среди них особое значение приобретает ресурс, который имеет духовно-материальный смысл. Сельские социально-профессиональные и демографические группы испытывают потребность в совместных коллективистских действиях по обустройству мест обитания, которые близки им в силу общностных моментов, но уже более 30 лет вытеснены из образа их жизни, поскольку за каждый аспект жизнеустройства отвечает какое-то ведомство (часто, маломощное, неэффективное).

О том, что жители села испытывают потребность в неформальных действиях по обустройству мест своего обитания, свидетельствуют данные проведенного в июле-августе 2023 г. социологического исследования в сельских территориях Саратовской области. Опрошено по репрезентативной выборке 1300 человек во всех муниципальных районах. По оценке основных групп села 81,3% респондентов готовы объединиться с другими людьми для решения общих проблем. Наиболее высокую склонность к этому проявляют работники сельскохозяйственных предприятий, фермеры и самозанятые. Однако, когда предлагается перечень реального участия в течение последних 12 месяцев, то показатели оказываются невысокими. Опрошенные сосредоточены, в основном, на благоустройстве территории поселения, помощи вещами и деньгами на благотворительность. Другие проявления общественной активности не высоки, уменьшаются на 30-40 процентных пунктов, особенно участие в экологических акциях, волонтерской деятельности, местном самоуправлении, обращении в органы государственной власти с заявлениями и жалобами. Среди причин пассивности опрошенные указали нехватку свободного времени, отсутствие интереса к общественной деятельности, разобщенность людей, недоверие к органам местного самоуправления. Но в целом можно сделать вывод: ресурсы улучшения жизненного пространства современной деревни имеются, если подходить к ним с позиции теории аутопейза.

В общественных науках обычно жестко разделяют материальные и нематериальные ресурсы, действующие на изменение реальности. Первые имеют вещественную форму, вторые - культурную, духовную, например, образование человека. Однако в жизни, что показало поведение людей в ходе аграрной реформы, эти ресурсы настолько взаимно проникают друг в друга, что их можно назвать духовно-материальными. Мы знаем, что при выборе форм и структур хозяйственной организации сельское население, в основном,

выбирало корпоративно-долевой уклад (разные акционерные общества), а не наемный труд у фермера или собственное самостоятельное фермерство. Тот и другой уклады не присутствовали ни в создании, ни в опыте селян. При этом наибольшей «тайной» обладал фермерский уклад, между тем акционерное сельскохозяйственное предприятие для рядового постколхозника казалось весьма схожим с колхозом и с совхозом. Тем более, что бывшие руководители их стали во главе и новых организаций, что имело немалое значение для поддержания начал человеческого взаимодействия, выработанного советскими практиками. «Когда ко мне приходит ветеран, достойно проявивший себя в прошлом на колхозной работе, я все для него сделаю» (из интервью руководителя ООО, Саратовская область).

Как правило, аграрными акционерными обществами вкладывается больше средств (по сравнению с КФХ) в поддержание социальной инфраструктуры, ими оказывается помощь отдельным семьям в строительстве домов. Для фермера более характерен инструментальный характер поведения, в том числе за счет сокращения издержек на рабочую силу: в зимние месяцы, если нет потребности выполнять какие-нибудь работы, рабочих увольняют. В то же время, несмотря на отсутствие институциональных предпосылок, взаимодополняющих крестьянские и фермерские социальные качества (что исходно предлагает аббревиатура КФХ), складываются дружные стабильные трудовые сообщества на базе народной нравственности.

Заключение.

Социологи, как и представители любых других наук, имеют свою методологию изучения человека в обществе и свои методы получения эмпирических материалов. По поводу востребованности социологии и самих социологов практикой можно высказать следующие соображения.

Практики-управленцы ждут не только формулировок желательных изменений, но конкретики - какие желательны изменения, сколько нужно ресурсов, через сколько времени произойдут? Однако социология имеет дело с процессами, образ и состояние которых не всегда детерминирован ближайшими по времени факторами: они следствие специфики ментальности, взаимодействия архаичных и инновационных процессов. Вряд ли можно ожидать, что реализация каждого исследовательского проекта должно давать неперенные результаты, которые будут достигнуты вследствие принятия и реализации проекта ученых, включая социологов. Это завышенное требование к обществоведам. В реальности результаты достигаются не столько на основе мыслительной деятельности одной группы, а как следствие соединения, взаимодействия и борьбы очень многих тенденций саморазвития. Именно они, включая рациональные, иррациональные, арациональные (или отвечающие любым другим критериям), будут продолжать самодвижение общества.

«Материя», с которой имеют дело социологи, - это сознание индивидов и групп их, действующие в виде смыслов, отражающихся в их поведении. Конечно, изменения в данном ракурсе могут быть измерены в форме индикаторов, но чаще отражение реальной жизни в социологической науке идет с опозданием. Хотя социологи предлагают социологическое измерение достижений, например, человеку, претендующему на важный пост, предлагается гарантировать повышение индекса счастья или благополучия жителям, своим избирателям. Пока в мировой практике такой факт не засвидетельствован, что не снижает роли социологических, особенно алармических текстов (от англ. to alarm – бить тревогу, предупреждать, предостерегать).

В аграрной социологии в пореформенные годы имело место некое преувеличение теоретических постулатов, выработанных на основе наблюдений над составом сельских групп, действующих в условиях Запада. Мы пытались вслед за О.И. Шкартаном применить его схемы, взятые из западных источников о структуризации, к пореформенной отечественной деревне, а также модели Т.И. Заславской по весу схожих групп села и города. Нужно признать, что описание российских групп по моделям западных исследователей

оказались непродуктивными: для сельских жителей не подходят признаки, типичные для фермеров Запада. Перемены в российской деревне очень динамичны: не одно сельское хозяйство, но и разнообразие видов деятельности создают предпосылки для самореализации людей разных профессий и компетенций, в том числе в режиме удаленности. Поэтому изучение реальных практик повседневности села нужно поставить на первое место, выводя из этих наблюдений заключение о темпах, динамике, тенденциях развития процессов на селе. Последовательное сравнительное изменение его по мере появления новых свидетельств потребует переосмысления и введение в аналитику новых теоретических конструкций и содержательных выводов. Сельская проблематика неисчерпаема, имеет свои особенности, как в период спокойного функционирования села, так и в условиях активизации мобилизационных потребностей общества. Анализ смысловых и поведенческих аспектов жизни села создают основание для перехода от наблюдений к новым обобщениям, теоретическим и методологическим выводам.

Социологи чаще всего работают с текстами, содержащими более раннюю интерпретацию фактов и процессов. Повторный вход в избранную тему в силу новых наблюдений многое корректирует, вплоть до отказа от предшествующих заключений. Пример этого — измерение статуса представителя среднего класса: социодинамика социоструктурных групп поставила под вопрос многие, ранее принятые показатели.

Исторически, начиная с размышлений Аристотеля, считалось, что рациональность принадлежит природе человека. Вплоть до Нового времени в основе критерия рациональности лежала теологическая идея, имеющая двустороннюю форму – состоянию покоя, удовлетворенности и совершенства, которого можно достичь, противостояло понятие болезненности и испорченности, но это был лишь этап к более глубинному пониманию рациональности. Когда ее связали с выбором цели, приобрели актуальность такие понятия, как мотивы искренности и аутентичности, т.е. непрозрачности этого явления.

С XIX века понятие рациональности стало относиться к частным системам общества: либо к экономическому расчету отношений полезности между целями и средствами (оптимизация, отрицательные результаты которой на примере социальной сферы мы видели на примере аграрной реформы в начале XXI века). В противовес этому, ученые выступают за применение научно-удостоверенного знания, но остается проблема согласования научных выводов и возможностей их применения, связанных с оперативными ограничениями. Здесь можно определенно сказать, что при акценте на системно-теоретическом подходе невозможно полностью дистанцироваться от антропологической версии рациональности. В отличие от традиционных концепций, речь идет не только о приближении к некоему идеалу, большей справедливости, лучшему воплощению духовности, а о системной рациональности. Теория систем, рассматривая различные системы и окружающий мир, как форму систем, вводит в центр осмысления общечеловеческие проблемы. Такой подход не претендует на то, что проблемы (особенно в области человек-природа) могут решиться и исчезнуть. На основании этого критерия в каждый конкретный период их рационализация должна конструироваться и варьироваться в самом обществе. Этот же критерий применим и к частным системам общества: отраслям, организациям, профессиям, что, несомненно, должно учитываться в социологических исследованиях.

Список источников

1. Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1911-2011 гг. – М: Финансы и кредит, 2003.
2. Великий П.П. Неотходничество, или лишние люди современной деревни // Тошченко Ж.Т. (ред.) Новые идеи в социологии: Монография. М.: ЮНИТИ – Дана, 2013. С. 441-449.
3. Покровский Н.Е. Перспективы российского Севера: сельские сообщества // Мир России. 2010. № 4.
4. Матурана Р., Варела Ф. Древо познания. М., 2001.

References

1. Patsiorkovsky V.V. Rural Russia: 1911-2011. 2003. (In Russ)
2. Great P.P. Neo-waste, or superfluous people of the modern village. *New ideas in sociology*. 2013:441-449. (In Russ)
3. Pokrovsky N.E. Prospects for the Russian North: rural communities. *World of Russia*. 2010;(4). (In Russ)
4. Maturana R., Varela F. The Tree of Knowledge. 2001. (In Russ)

Информация об авторе

П.П. Великий – доктор философских наук.

Information about the author

P.P. Velikiy – Doctor of philosophical sciences.

Статья поступила в редакцию 28.09.2023 г.; одобрена после рецензирования 25.09.2023 г.; принята к публикации 30.09.2023 г.

The article was submitted 18.09.2023; approved after reviewing 25.09.2023; accepted for publication 30.09.2023.

Региональные агросистемы: экономика и социология. 2023. № 3. С. 51-62.
Regional agrosystems: economics and sociology. 2023;(3): 51-62.

Научная статья
УДК 314.5

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ В ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОД

Анна Александровна Вяльшина
Институт аграрных проблем – обособленное структурное
подразделение Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Федерального исследовательского центра
«Саратовский научный центр Российской академии наук»,
г. Саратов, Россия, anvyal@mail.ru

Аннотация. Представлен анализ социально-экономических тенденций развития сельских территорий России после прохождения пика пандемии COVID-19. Выявлены особенности развития демографических процессов на селе, динамики занятости и безработицы сельского населения, уровня денежных доходов и бедности за 2015-2022 гг. Показаны тенденции сокращения уровня занятости в 2020 г., а также различия уровня безработицы сельчан в зависимости от уровня образования и возраста. Эмпирически подтвержден тренд сокращения доли малоимущих домохозяйств разного типа с 2015 по 2021 гг., обусловленный масштабными мерами социальной поддержки населения в 2020-2021 гг. Сделан вывод о необходимости принятия неотложных мер для преломления начавшейся в 2015 г. тенденции сокращения рождаемости на селе, обогнавшей негативную динамику рождаемости городского населения. Полученные результаты исследования позволяют глубже понять внутренние и внешние резервы различных групп сельского населения по адаптации в периоды социально-экономической нестабильности.

Ключевые слова: сельские территории, демографическое развитие, занятость сельского населения, сельская безработица, бедность, денежные доходы.

Для цитирования: Вяльшина А.А. Социально-экономические тенденции устойчивого развития сельских территорий России в постпандемийный период // Региональные агросистемы: экономика и социология. 2023. № 3. С. 51-62.

Original article

SOCIAL AND ECONOMIC TRENDS IN SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RURAL TERRITORIES IN RUSSIA IN THE POST-PANDEMIC PERIOD

Anna A. Vyalshina
Institute of Agrarian Problems - Subdivision of the Federal State
Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center
of the Russian Academy of Sciences, Saratov, Russia,
anvyal@mail.ru

Abstract. An analysis of social and economic trends in the development of rural areas in Russia after the peak of the COVID-19 pandemic is presented. The features of the development of demographic processes in rural areas, the dynamics of employment and unemployment of the rural population, the level of cash income and poverty for 2015-2022 have been identified. The trends in

the reduction of employment in 2020 are shown, as well as the differences in the unemployment rate of rural residents depending on the level of education and age. The trend of reduction in the share of low-income households of various types from 2015 to 2021, due to large-scale measures of social support for the population in 2020-2021, has been empirically confirmed. It is concluded that it is necessary to take urgent measures to reverse the trend of declining birth rates in rural areas that began in 2015, which has overtaken the negative dynamics of the birth rate of the urban population. The results of the study allow one to better understand the internal and external reserves of various groups of the rural population for adaptation during periods of social and economic instability.

Key words: rural areas, demographic development, rural employment, rural unemployment, poverty, cash income.

For citation: Vyalshina A.A. Social and economic trends in sustainable development of rural territories in Russia in the post-pandemic period. *Regional agrosystems: economics and sociology*. 2023;(3):51-62. (In Russ)

Введение.

В последние годы в глобальном масштабе обострились проблемы, связанные с региональной (территориальной) стабильностью, в результате чего особую актуальность приобрел поиск механизмов и разработка инструментов с целью формирования условий для устойчивых и справедливых сообществ. Все регионы и территориальные системы подвержены различным типам угроз, и время от времени они испытывают потрясения, влияющие на экономику и общество. Территориальная устойчивость представляет собой способность локальной системы реагировать на последствия таких сбоев и нарушений и, по возможности, минимизировать их. Территориальная устойчивость — это готовность и способность к адаптации. Потрясения, подобные пандемии COVID-19, часто приводят к инновациям и позитивным изменениям, например, за счет расширения возможностей дистанционной занятости, инноваций в бизнесе и государственном управлении. Кризис стимулирует устранение неэффективных и неустойчивых практик, и во время пандемии рабочие места во всем мире продемонстрировали способность к адаптации. Отдельные эксперты отмечают, что, хотя технический прогресс может двигаться довольно быстро, способность людей приспосабливаться к развитию, например, средств ИКТ относительно медленна. Исследования показывают, что цифровизация — это на 20% технологии и на 80% человеческие усилия, а также процесс управления изменениями.

Устойчивость характеризует способность системы эластично восстанавливаться после нарушений или сбоев. Однако при использовании подхода территориальной устойчивости для целей государственного управления необходимо сосредоточиться на способностях территорий адаптироваться к постоянно меняющимся условиям и переориентировать свою структурную организацию на новые экономические, социальные и культурные механизмы. Этот подход предполагает, что социально-экономическое развитие является сложным, нелинейным, динамичным процессом, находящимся под влиянием глобальных, национальных и местных факторов. Территориальные системы находятся под постоянным воздействием рисков и стресса, поэтому в долгосрочной перспективе устойчивость зависит не столько от способности территорий противостоять потрясениям, сколько от их гибкости и способности приспосабливаться к изменяющимся условиям. Эксперты обращают внимание, что в условиях постоянной нестабильности для управления территориальной устойчивостью необходим переход от «оптимизма планирования» прошлого к повышенному вниманию к подготовке к неожиданностям и неопределенности.

Целью исследования является анализ социально-экономических тенденций устойчивого развития сельских территорий России в постпандемийный период. Основными задачами исследования являются: обоснование складывающегося тренда демографического развития сельских территорий с 2015 г; исследование половозрастных, гендерных и образовательных особенностей динамики уровня занятости и безработицы сельского населения в период локдауна; анализ тенденций изменения уровня среднедушевых денежных доходов различ-

ных социальных групп сельских домохозяйств и динамики уровня бедности сельского населения.

Информационной базой исследования послужили официальные данные Росстата, результаты Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах, а также прикладного пилотажного социологического исследования «Дети в современной семье», проведенного ИАГП РАН в мае 2022 года. Объект исследования – студенты Вавиловского университета (N = 357). В выборке 211 мужчин (59,1%) и 146 женщин (40,9%). В составе опрошенных 119 человек в возрасте 17-18 лет (33,4%), 124 человека 19-20 лет (34,7%) и 114 человек в возрасте 21 год и старше (31,9%). Среди респондентов 236 человек являются городскими жителями (66,1%), остальные 121 человек до учебы проживали в сельской местности (33,9%).

Результаты исследования.

Различия в социально-экономических, социально-психологических, культурных и природных условиях жизни города и села являются объективными предпосылками для появления неповторимых черт в поведении их жителей. Факторы, воздействующие на индивидов в городской и сельской местностях, приводят к появлению городской и сельской ментальности. Они различаются структурой ценностных ориентаций, способами жизнедеятельности, уровнями притязаний, спецификой социальных взаимодействий, а также особенностями социальных норм, установок, предпочтений и стереотипов поведения. Кроме того, различия в моделях поведения между сельскими и городскими жителями обусловлены ростом социальной, профессиональной и территориальной мобильности в последние десятилетия. Степень реализации имеющихся возможностей обуславливает различия в готовности разных групп сельского населения к использованию новых форм и способов деятельности, познания, общения, готовности к неожиданностям в повседневных вопросах, склонности к риску и нестандартным ответам на вызовы жизни. Ресурсы и ограничения индивидов трансформируют не только их образ жизни и непосредственную социально-культурную среду, но и личные возможности и самооценку. Культурная неоднородность в городе определяется индивидуальным выбором человека, его предпочтениями в сферах профессиональной деятельности, потребления, досуга. Модели поведения сельских жителей в большей степени обусловлены чертами традиционности, коллективности, сплоченности, укорененности в сельский образ жизни. Анализ жизненных стратегий разных поколений показывает, что старшее поколение сохраняет традиционный характер идентичности, позволяющий в кризисной ситуации воспроизводить традиционные практики и использовать их как адаптационные. Однако идентичность среднего и особенно младшего поколения показывает, что трансформация социокультурных норм и традиций обуславливает конфликт со средой, вытесняя их либо в города, либо задействует стратегию пассивного выживания.

Продолжающийся демографический кризис сельских территорий, подкрепленный оттоком наиболее креативной и деятельной части сельчан, а также отсутствие перспектив эффективного развития сельской социальной инфраструктуры обуславливают необходимость анализа действующих механизмов адаптации нынешних сельских жителей к условиям социально-экономической нестабильности. Кроме того, принятая в сентябре 2022 г. Стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов до 2030 года предполагает сохранение доли сельского населения в общей численности населения Российской Федерации и повышение качества его жизни. Эксперты утверждают, что для каждого типа территорий нужны разные мероприятия для стимулирования социально-экономического развития и поддержания территориальной устойчивости. В этих условиях особую актуальность приобретают исследования, нацеленные на анализ складывающихся тенденций в ситуации непрекращающейся социально-экономической турбулентности последнего десятилетия, начиная от особенностей трансформации современной социальной структуры села и заканчивая динамикой массового сознания различных поколений сельчан.

Выявление социально-демографических факторов устойчивого развития сельских территорий России в среднесрочном периоде предполагает исследование демографических из-

менений в период пандемии. В России с 2015 г. наметился демографический спад, подтверждаемый снижением суммарного коэффициента рождаемости, как в городе (с 1,678 в 2015 г. до 1,436 в 2021 г.), так и на селе (с 2,318 в 2014 г. до 1,734 в 2021 г.). С 2005 г., благодаря государственным мерам поддержки рождаемости, наблюдался рост числа рождений, причем в сельской местности более высокими темпами. Однако с 2015 г. начал сокращаться не только разрыв между городской и сельской рождаемостью, но и рождаемость на селе впервые за много лет стала ниже городской (рис. 1). Согласно официальным данным Росстата на 1000 человек сельского населения стало рождаться меньше детей, чем на 1000 человек городского населения. Большинство демографов убеждены, что главными драйверами этих процессов стало уменьшения численности женщин репродуктивного возраста, сокращение потребности современной молодежи в семье с несколькими детьми, а также «старение» возраста материнства [1; 2].

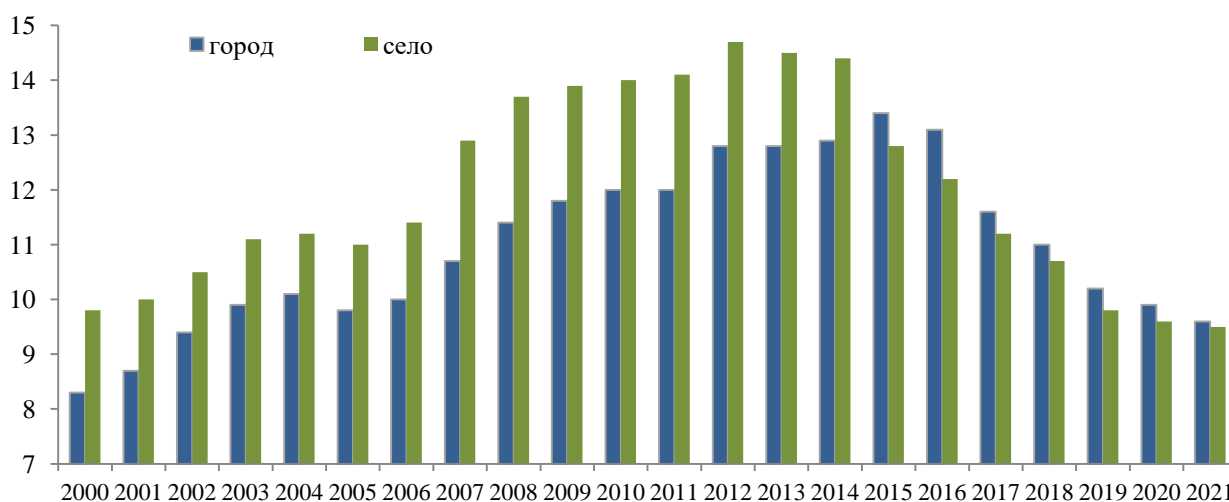

Рисунок 1 - Общий коэффициент рождаемости в зависимости от места проживания, число родившихся на 1000 чел. населения.

Источник: Демографический ежегодник России. 2022.

В этих условиях анализ особенностей репродуктивных установок и предпочтений различных социальных групп молодежи вносит вклад в понимание изменения моделей репродуктивного поведения в условиях неопределенности, что позволит обосновать возможные резервы преодоления демографического кризиса сельских территорий. Согласно проведенному в ИАГП РАН социологическому исследованию, около 66,4% опрошенных студентов убеждены, что пандемия COVID-19 не станет барьером для семей, решивших родить ребенка. Чаще остальных к этому склоняются молодые мужчины (67,3%), выходцы из сельской местности (69,4%), молодежь в возрасте 21 лет и старше (77,1%), а также те, кто планируют иметь 3 и более детей (72,6%). Абсолютное большинство из них считает, что это решение обусловлено чувствами партнеров между собой, а также в целом к своей семье и детям. Около 33,6% считают, что ожидания социально-экономической нестабильности постпандемического периода, связанные с потерей доходов и занятости, а также трудностями в получении необходимой медицинской помощи, станут достаточным основанием, чтобы отложить планы по рождению детей до лучших времен. Чаще всего с этим согласны девушки (34,9%), жители городов (35,2%), а также молодежь, не планирующая иметь детей (60,0%).

Анализ тенденций занятости и безработицы сельского населения позволяет понять предпосылки складывающихся моделей трудового поведения в ситуации социально-экономической нестабильности, а также стратегии адаптации к ним с целью поддержания приемлемого уровня материального благополучия. Уровень занятости сельских мужчин традиционно выше по сравнению с женщинами. Данные обследования населения по проблемам занятости свидетельствуют о том, что уровень занятости сельских мужчин сокращался в пе-

риод пандемии COVID- 19 и локдауна (с 67,1% в 2016 г. до 59,9% в 2020 г., в целом на 10,7%) (рис. 2). Для женщин характерно более серьезное сокращение уровня занятости за этот период – с 54,7% в 2015 г. до 45,1% в 2020 г. или на 17,6%. Однако за период с 2021 г. по 2 квартал 2023 г. уровень занятости сельских мужчин вырос до 63,2% (на 5,5%), а женщин – до 47,8% (на 5,9%).

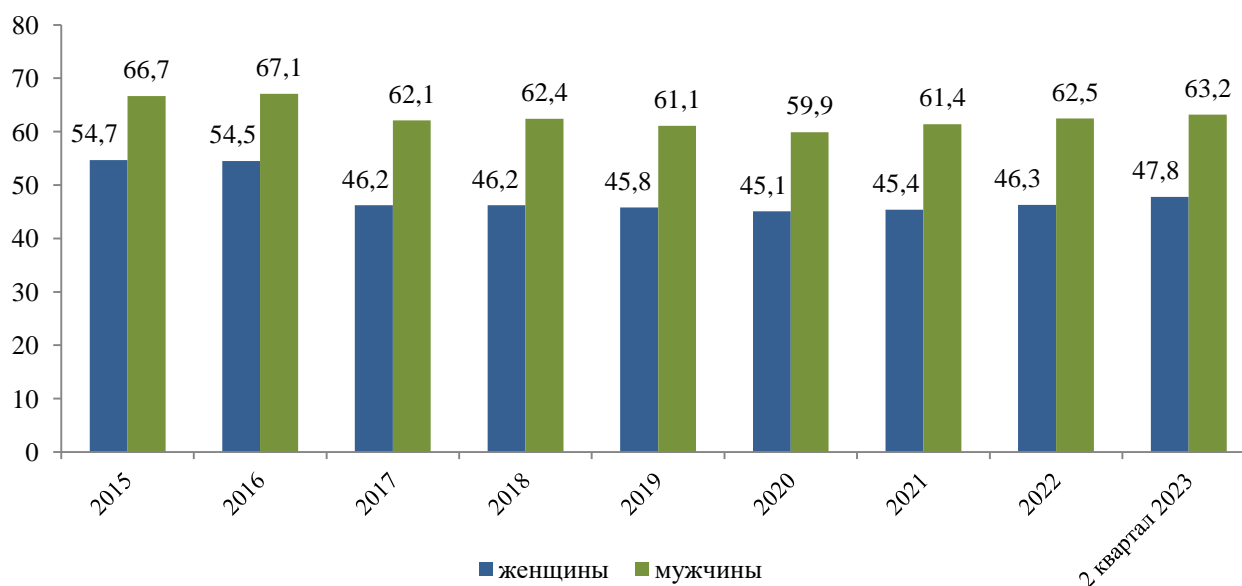

Рисунок 2 - Уровень занятости сельского населения в зависимости от пола, в %

Отраслевая структура занятости сельского населения претерпела изменения с 2015 по 2022 гг. Традиционно, около четверти сельских мужчин были заняты в сельском хозяйстве, однако, за этот период их доля сократилась с 26,0% в 2015 г. до 23,4% в 2022 г. (на 9,9%). Также уменьшился удельный вес мужчин, занятых в строительстве (с 12,9% в 2015 г. до 11,4% в 2022 г. или на 11,2%). Максимальный «прирост» мужчин отмечается в таких отраслях, как: добыча полезных ископаемых (на 21,5%), финансы и страхование (на 21,2%), транспорт и связь (на 10,8%) и обрабатывающие производства (на 10,2%). Структура занятости женщин по отраслям также претерпела изменения. Так, в составе занятых женщин удельный вес работников сельского хозяйства сократилась на 25,8% (с 17,5% в 2015 г. до 13,0% в 2022г.). При этом выросла доля занятых женщин в таких отраслях, как: финансы и страхование (на 28,7%), образование (на 7,9%), обрабатывающие производства (на 6,0%), транспорт и связь (на 6,6%), торговля и обслуживание (на 2,6%).

Анализ возрастной структуры занятого сельского населения позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, несмотря на «пандемийный» кризис, удельный вес лиц в возрасте 15-19 лет и старше 70 лет в структуре занятого сельского населения оставался приблизительно на одном уровне. Во-вторых, наметившаяся в доковидный период тенденция роста доли лиц 30-39 лет, 40-49 лет и особенно 60-72 лет в структуре занятого сельского населения продолжила свой рост и в постпандемийный период. Так, доля лиц 60-72 лет увеличилась с 5,1% в 2017 г. до 7,2% в 2023 г. В-третьих, удельный вес молодежи 20-29 лет в структуре занятого населения стабильно сокращается с 20,7% в 2015 г. до 15,7% в 2022 г.

Интересно отметить, что в кризисный 2020 г. уровень занятости лиц 20-29 лет, 30-39 лет и 40-49 лет сокращался на 4,3%, 3,5% и 1,4%, соответственно, однако, в последующие годы вырос более допандемийных показателей. Например, уровень занятости молодежи 20-29 лет вырос с 62,5% в 2020 г. до 72,8% в 2022 г. (или на 16,5%); лиц 30-39 лет – с 78,5% до 87,6% (или на 11,6%), работников 40-49 лет – с 82,1% до 87,3% (на 6,3%) (рис. 3). Наиболее интересна ситуация с ростом уровня занятости лиц 50-59 лет: она постоянно росла, начиная с 65,4% в 2015 г. до 79,6% в 2022 г, не сокращаясь даже в кризисный 2020 г. (на 21,7%). Более того, аналогичная ситуация характерна для работников старшего поколения – уровень заня-

тости лиц 60-69 лет вырос с 19,7% в 2018 г. до 30,7% в 2022 г (или на 55,8%). Данные факты свидетельствуют о том, что потребности российской экономики в 2021-2022 гг. спровоцировали резкий спрос на квалифицированные кадры, многие из которых находятся в предпенсионном или пенсионном возрасте.

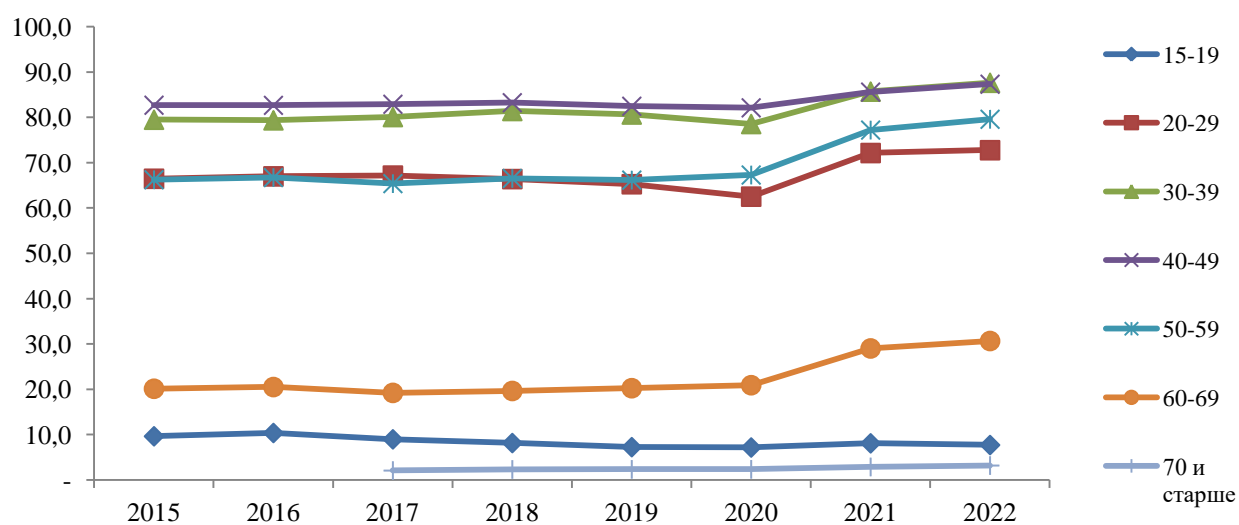

Рисунок 3 - Уровень занятости сельского населения в возрасте 15 лет и старше по возрасту

Анализ уровня сельской безработицы показывает, что, начиная с 2000-х годов, наблюдалось его сокращение, причем в городе более стремительно, а на селе – медленнее (рис. 4). Уровень безработицы сельского населения впервые с 2000 г. снизился только в 2008 г., достигнув уровня 9,6%, затем наблюдался рост. Начиная с 2011 г., заметно постепенное снижение сельской безработицы с небольшим ростом в 2017 г., вплоть до «пандемийного» 2020 г. Рост безработицы на селе в 2020 г. составил 14,5% по сравнению с 2019 г., однако, в городе рост произошел на 33,2%. При этом, начиная с 2021 г., безработица начала сокращаться, достигнув минимума за период 2000-2022 гг. как в городе, так и на селе.

Интересно отметить, что безработица среди сельских мужчин была выше с 2015 г., чем среди женщин. Наблюдалось сокращение ее уровня до 2019 г. как у мужчин, так и у женщин, однако, в пандемийный 2020 год безработица выросла, но незначительно (рис. 5). В последующий период с 2021 г. по 1 квартал 2023 г. отмечается сокращение безработицы, как среди мужчин (до 4,7%), так и среди женщин (до 4,8%). Тем не менее, в постпандемийный период безработица среди сельских женщин стала выше, чем среди мужчин.

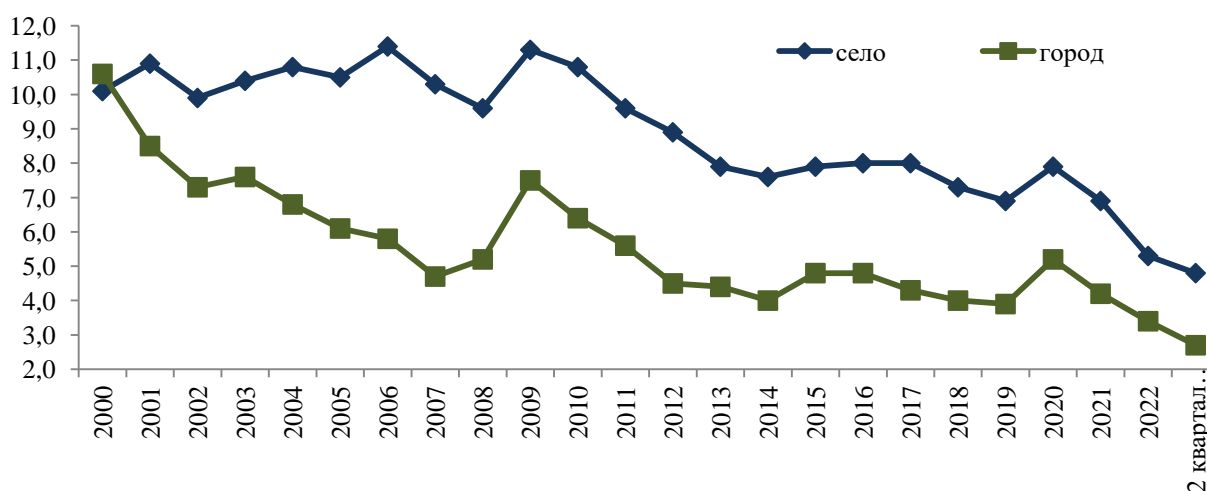

Рисунок 4 - Уровень безработицы населения в зависимости от места проживания, в % от соответствующей группы

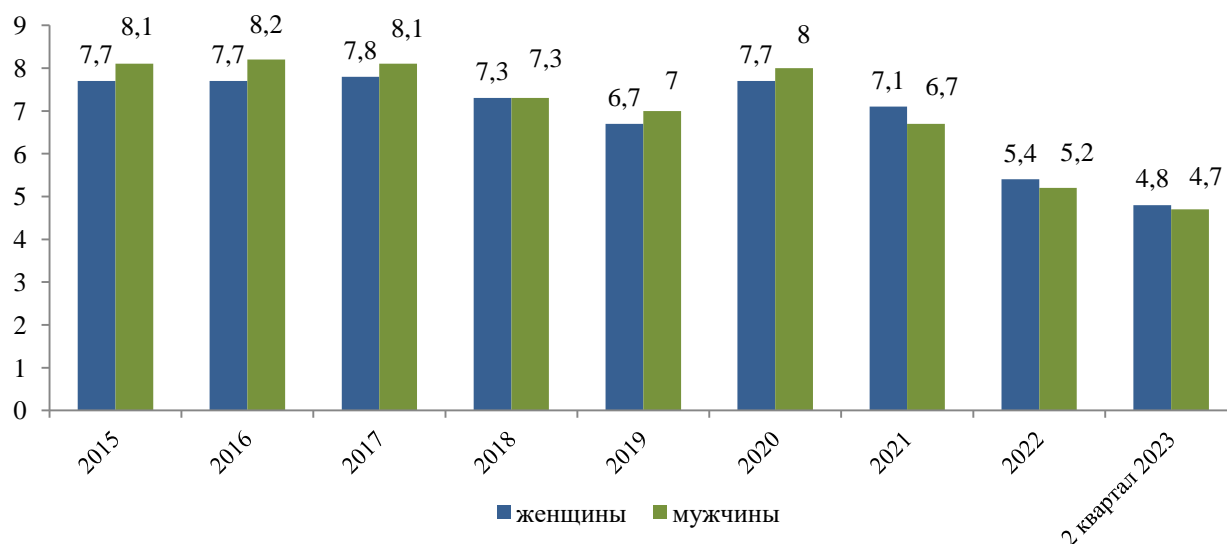

Рисунок 5 - Уровень безработицы сельского населения в зависимости от пола, в %

Анализ динамики возрастной структуры сельских безработных показывает, что в 2022 г. около 60,2% из них составляли лица до 39 лет (29,4% - молодежь 20-29 лет, 26,8% - лица 30-39 лет, 4,0% - лица 15-19 лет). За период с 2015 г. удельный вес молодежи 15-19 лет и 20-29 лет сократился (с 6,2% и 32,5%, соответственно), в то время как лиц 40-49 лет - вырос (с 18,8% до 20,8%). Доля лиц 50-59 лет в составе безработных также снизилась (с 17,7% в 2015 г. до 15,7% в 2022 г.), в то время как доля тех, кому 60-69 лет - выросла (с 1,6% до 3,0%). В период пандемии в составе сельских безработных увеличивался удельный вес молодежи 30-39 лет (с 24,0% в 2019 г. до 26,7% в 2020 г.), который не сократился вплоть до начала 2023 г.

Интересно отметить, что при общем сокращении уровня сельской безработицы после прохождения пика пандемии, выявлены различия этого процесса по возрастным группам. Наибольшие темпы снижения уровня безработицы за 2015 -2022 гг. наблюдались среди лиц 50-59 лет (на 36,5%) и 40-49 лет (на 28,2%). Для молодежи 20-29 лет характерны более скромные темпы снижения безработицы – на 17,9%. В группе молодежи 15-19 лет и лиц 60-69 лет темпы снижения безработицы составили 25,8% и 25,0%, соответственно. Однако отмечается резкий рост уровня безработицы в возрасте 70 лет и старше – на 135%, что может свидетельствовать о возросшей заинтересованности этой возрастной группы в оплачиваемой занятости и трудностями ее достижения в условиях суженного сельского рынка труда.

Таблица 1 – Уровень безработицы сельского населения по возрастным группам

	в том числе в возрасте, лет						
	15-19	20-29	30-39	40-49	50-59	60-69	70 и старше
2015	31,7	11,9	7,5	6,2	6,0	3,1	
2016	28,6	12,4	7,7	6,4	5,6	2,5	
2017	26,7	12,0	7,8	6,5	6,2	3,9	1,4
2018	25,9	12,2	6,8	5,9	5,3	3,2	1,3
2019	26,1	11,6	6,2	5,7	5,2	3,1	3,0
2020	26,0	13,4	7,9	6,4	5,7	3,1	2,7
2021	25,1	12,0	6,9	5,2	5,4	2,6	2,9
2022	23,5	9,8	5,5	4,5	3,8	2,3	3,3
Сокращение/прирост за 2015-2022 гг	-25,8	-17,9	-26,8	-28,2	-36,5	-25,0	135,0

Еще одним интересным моментом является выявленная динамика структуры сельских безработных по уровню образования. За период 2015-2022 гг. в составе сельских безработных на 9,5% сократился удельный вес квалифицированных рабочих (служащих) и на 7,2% - лиц со средним общим образованием, причем он «падал» даже в период пандемии COVID-

19. Доля специалистов среднего звена в составе сельских безработных немного вырос в период локдауна, хотя в целом с 2015 г. показал небольшое сокращение (на 2,1%). Важно отметить, что удельный вес лиц с высшим образованием среди безработных вырос на 29,7%, что может свидетельствовать не столько о нехватке в сельской экономике свободных рабочих мест для лиц с высоким уровнем притязаний, сколько о низком уровне предлагаемых им условий труда и его оплаты.

Таблица 2 – Структура сельской безработицы по уровню образования, в %

	высшее	специалисты среднего звена	квалифициро- ванные рабочие (служащие)	среднее общее	основное общее и ниже
2015	11,6	17,0	20,4	35,6	15,5
2016	12,2	17,4	20,2	35,7	14,4
2017	12,8	18,1	20,5	33,9	14,7
2018	12,5	18,4	20,4	33,2	15,5
2019	14,5	17,3	19,8	33,4	15,0
2020	15,6	18,6	19,4	32,3	14,1
2021	14,5	19,4	19,0	31,4	15,6
2022	15,0	16,6	18,5	33,1	16,9
Сокращение/прирост за 2015-2022 гг	29,7	-2,1	-9,5	-7,2	9,0

Отдельным аспектом исследования является анализ уровня доходов различных типов сельских домохозяйств, а также особенностей динамики уровня бедности сельского населения в период локдауна и последующих санкционных вызовов для экономики.

В период пандемии ключевыми приоритетами социальной поддержки населения стали пособия для низко обеспеченных семей с детьми и безработных, а также единовременные выплаты для детей и пенсионеров. По оценкам экспертов, в 2020 г. государство дополнительно направило 1,96 трлн. руб непосредственно на поддержку доходов населения [3]. В регионах дополнительные меры поддержки получили категории населения с устойчиво высокими рисками бедности, в основном те, кто уже находился в поле зрения органов социальной защиты. Кроме того, были расширены меры для нейтрализации новых социальных рисков, влияющих на качество жизни населения. Несмотря на масштабность дополнительных мер социальной защиты, по данным отдельных исследователей только 50% домохозяйств, столкнувшихся с потерей доходов в период пандемии, получили поддержку в виде регулярных дополнительных социальных выплат [3]. Согласно данным Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах, проводимого Росстатом, в 2021 г. пособия, назначенные семьям с детьми в связи с распространением коронавирусной инфекции на селе получили 17,8%, в то время как в городе - 25,1%. Кроме того, пособия, назначенные другим категориям получателей (в основном выплаты зарегистрированным безработным и надбавки им за несовершеннолетних детей) получили 3,2% сельских жителей и 11,8% городских.

Национальная цель по сокращению уровня бедности в стране в 2 раза стала с 2018 г. основным ориентиром для российской системы социальной поддержки населения, а ключевым инструментом для этого – экономический рост и социальные выплаты. Важнейшим трендом 2019–2021 гг. в социальной поддержке населения стало ускоренное создание системы всеобщей доступности адресных пособий по нуждаемости для всех семей с детьми за счет увеличения охвата социальными выплатами, повышения их размеров, развития новых подходов к оказанию поддержки малоимущим и к оценке нуждаемости. Подобные меры усилили вклад социальной поддержки в сокращение бедности. Тем не менее, эксперты НИУ ВШЭ отмечают, что опыт антикризисной социальной поддержки населения показывает, что единовременные монетарные меры универсального характера имеют невысокую эффективность для сокращения бедности населения. Главная причина этого - сосредоточенность на традиционно уязвимых группах населения и ограниченный доступ к поддержке «новых» по-

страдавших, неожиданно попавших в трудную жизненную ситуацию из-за потери занятости или значительной части дохода.

Результаты Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах, проводимого Росстатом ежегодно, свидетельствуют о тенденции роста уровня среднедушевых денежных доходов во всех основных категориях сельских домохозяйств. Больше всего заметен рост доходов в семьях с двумя работающими взрослыми, а также в домохозяйствах, сильно зависящих от социальных выплат (в многодетных семьях; домохозяйствах, имеющих в своем составе инвалида; семья из двух работающих пенсионеров). Соответственно наиболее уязвимыми категориями семей являются те, в которых имеет оплачиваемую занятость только один взрослый и одновременно имеет место высокая иждивенческая нагрузка. Поэтому семьи, имеющие в составе несовершеннолетних детей, имеют самые низкие среднедушевые денежные доходы. Анализ реальной покупательной способности доходов осуществляется путем соотношения среднедушевых денежных доходов с величиной прожиточного минимума соответствующего года. Согласно полученным результатам исследования, в 2021 г. отмечается резкий скачок покупательной способности доходов всех типов домохозяйств, обусловленный масштабными выплатами через систему социальной поддержки населения в период пандемии (рис. 6). Однако в 2022 г. произошла индексация величины прожиточного минимума сразу на 20,%, что было гораздо выше роста уровня среднедушевых денежных доходов населения. Именно этим фактом обусловлено сокращение покупательной способности доходов в 2022 г. и рост удельного веса малоимущих домохозяйств во всех категориях сельских семей (рис. 7). Кроме того, по данным Правительства РФ в 2024 г. намечается новая индексация на 8,1%. С одной стороны, размер прожиточного минимума используется при оценке нуждаемости, от него же зависят размеры социальных выплат. С повышением этой величины увеличиваются размеры выплат для нуждающихся семей с детьми, социального контракта по ряду направлений, а также федеральной и региональной социальных доплат к пенсиям. А с другой – есть риски резкого роста уровня бедности населения из-за более низких темпов роста доходов населения.

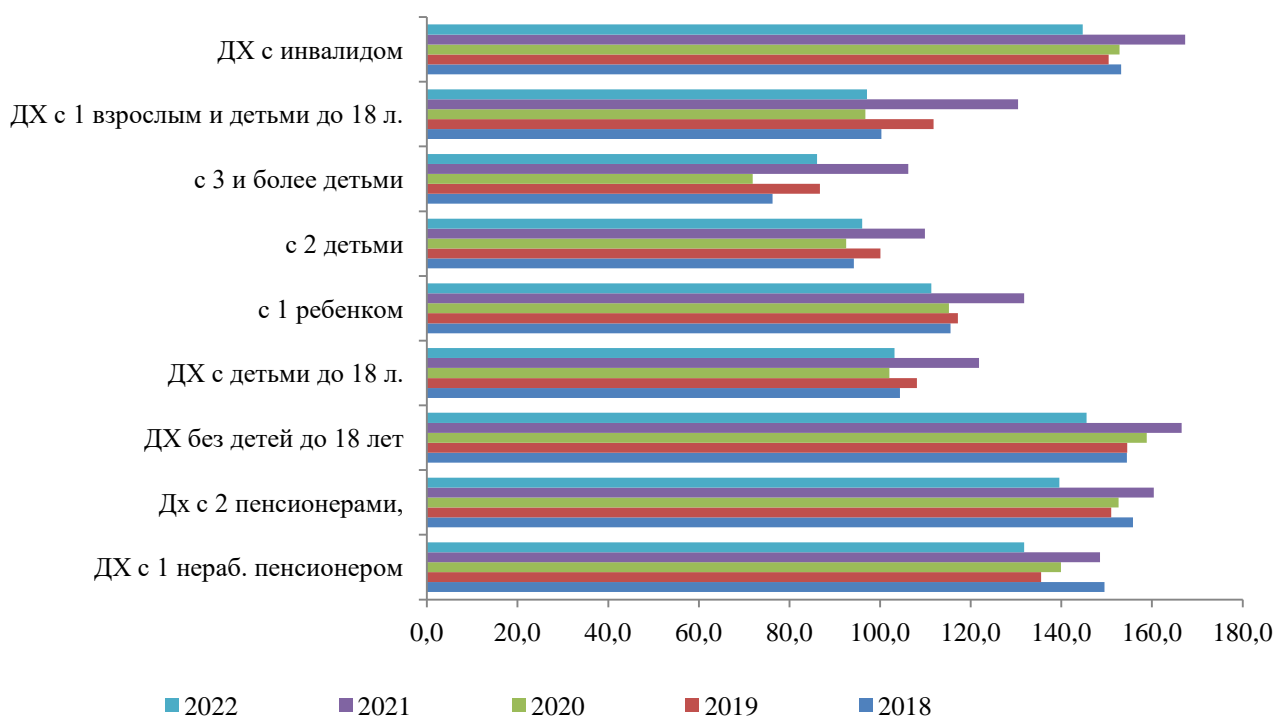

Рисунок 6 - Покупательная способность среднедушевых денежных доходов различных типов сельских домохозяйств

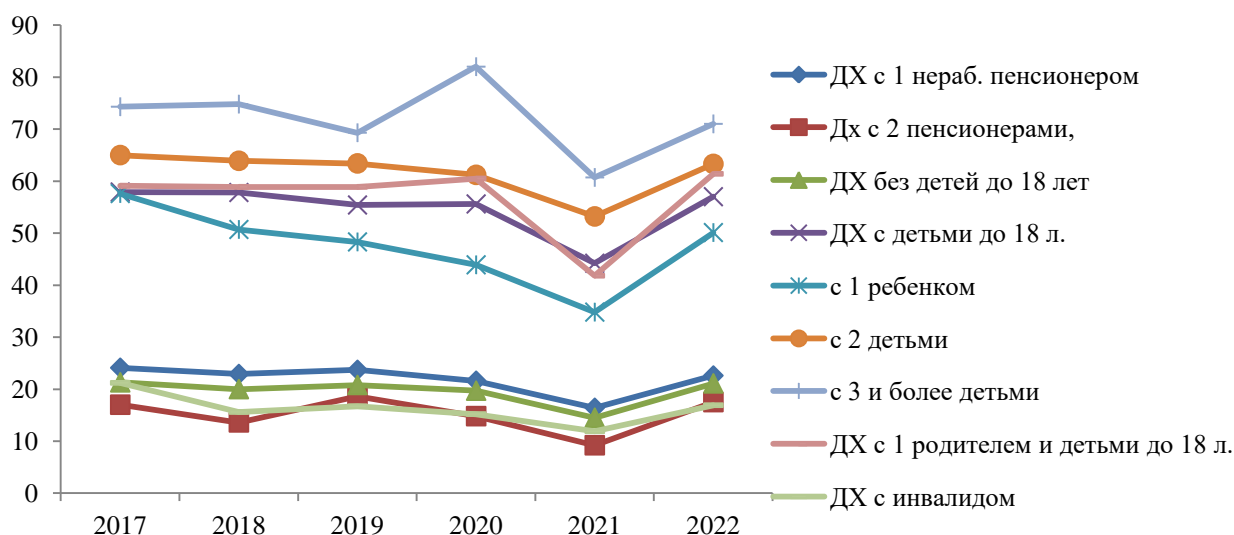

Рисунок 7 - Удельный вес различных категорий сельских малоимущих домохозяйств в общей численности домохозяйств соответствующего типа, %

Интересно отметить, что схожая тенденция роста покупательной способности доходов до 2021 г. с резким сокращением в 2022 г. характерна и для анализа влияния отрасли занятости. Традиционно, уровень оплаты труда в сельском хозяйстве является самым низким из всех отраслей экономики, а наивысшие зарплаты имеют занятые в сфере государственного управления и безопасности, финансах, страховании и недвижимости, добывающих и обрабатывающих отраслях экономики (табл. 3). Наивысшая покупательная способность в 2021 г. была у работников здравоохранения, образования, управления, наименьшая – у занятых в сельском хозяйстве и торговле. Тем не менее, работники высоко оплачиваемых отраслей больше остальных ощутили сокращение покупательной способности доходов в 2022 г. по сравнению с занятыми в сельском хозяйстве.

Таблица 3 – Покупательная способность среднедушевых денежных доходов сельского населения в зависимости от отрасли занятости главы домохозяйства, %

	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Сельское хозяйство	120,1	132,9	136,3	137,8	156,7	132,7
Добыча, обрабатывающая промышленность	149,2	168,5	171,9	171,3	192,3	163,4
Строительство	154,1	154,7	167,5	170,0	175,8	167,7
Торговля, услуги	142,5	144,1	161,6	165,3	168,2	149,8
Финансы, страхование, недвижимость	164,2	166,2	163,1	182,2	197,0	160,0
Гос. управление и безопасность	160,5	169,1	186,3	181,6	196,1	166,2
Образование	155,0	165,3	172,8	173,3	192,2	160,1
Здравоохранение и социальные услуги	140,5	177,3	170,9	167,7	201,4	161,0
Культура, спорт, организация досуга	137,7	152,7	155,9	174,3	185,4	156,0

Заключение.

Анализ социально-экономических тенденций устойчивого развития российского села в постпандемийный период показывает неоднозначные результаты. Во-первых, динамика уровня занятости свидетельствует о незначительном его сокращении в 2022 г. вследствие локдауна, с последующим ростом до значений, выше допандемийного уровня, особенно у сельских мужчин. Уровень занятости молодежи до 39 лет, хотя и падал в 2020 г., характеризовался высокими темпами восстановительного роста в постковидный период. Занятость лиц предпенсионного возраста, наоборот, не сокращалась в период локдауна и существенно

выросла в 2021-2022 гг. Динамика безработицы на общем фоне ее сокращения с 2009 г., как в городе, так и на селе, резко выросла в 2020 г., однако, затем продолжила тренд на снижение. Темпы снижения безработицы после пандемии были наивысшими у лиц 50-59 лет и 40-49 лет, что свидетельствует об активном поиске возможностей оплачиваемой занятости. Особую тревогу вызывает увеличение с 2015 г. на 29,7% удельного веса лиц с высшим образованием в составе сельских безработных, что свидетельствует о нехватке на селе свободных и достойных рабочих мест для лиц с высоким уровнем квалификации.

Выявленные тенденции роста среднедушевых денежных доходов сельского населения продолжили свой рост и в период пандемии, в значительной степени благодаря огромным вливаниям через систему социальной поддержки населения. Однако принятые в 2022 г. решения о дополнительной индексации величины прожиточного минимума, являющейся основой определения уровня бедности, способствовали сокращению покупательной способности доходов во всех типах сельских домохозяйств вне зависимости от сферы деятельности и иждивенческой нагрузки.

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что кризис занятости и сокращения доходов в период локдауна отразился на сельских домохозяйствах, особенно занятых в сельском хозяйстве и имеющих высокую иждивенческую нагрузку. Тем не менее, заметна активизация сельского населения по поиску возможностей восстановления занятости в постпандемийный период. Особую тревогу вызывает наметившийся с 2015 г. очередной цикл сокращения рождаемости на селе, который обусловлен, как объективным снижением числа женщин репродуктивного возраста, так реакцией молодежи на проявления социально-экономической нестабильности в сфере занятости и доходов. В этих условиях необходим поиск дополнительных стимулов на основе социальных гарантий не только социально уязвимым группам населения, но и самодостаточным группам молодежи и лицам среднего возраста для предотвращения рисков непредвиденных последствий социально-экономических и эпидемиологических вызовов.

Список источников

1. Блинова Т.В. Демографические риски и ограничения устойчивого развития сельских территорий в период пандемии COVID-19 // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2022. № 7. С. 51-59.
2. Осипова И. Репродуктивные установки россиян и отношение к государственным мерам поддержки рождаемости // Демографическое обозрение. 2020. 7(2). С.97-120.
3. Социальная защита в России до и после пандемии: развилки будущего. докл. к XXIII Ясинской (Апрельской) междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Л. Н. Овчарова, О.В. Синявская (науч. ред.); Е. А. Андреева, С.С. Бирюкова и др. ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». - М.: 2022. - 184 с.

References

1. Blinova T.V. Demographic risks and restrictions on sustainable development of rural areas during the COVID-19 pandemic. *Economics of agricultural and processing enterprises*. 2022;(7): 51-59. (In Russ)
2. Osipova I. Reproductive attitudes of Russians and attitude towards government measures to support fertility. *Demographic Review*. 2020;7(2):97-120. (In Russ)
3. Social protection in Russia before and after the pandemic: forks in the future. *Report to the XXIII Yasinsk (April) international. scientific conf. on problems of economic and social development*. 2022: 184. (In Russ)

Информация об авторе

А.А. Вяльшина – кандидат социологических наук;

Information about the author

A.A. Vyalshina - Candidate of Sociological Sciences;

*Статья поступила в редакцию 11.09.2023; одобрена после рецензирования 18.09.2023;
принята к публикации 30.09.2023.*

*The article was submitted 11.09.2023; approved after reviewing 18.09.2023;
accepted for publication 30.09.2023.*